

СВЕТЛАНА РОМАНОВА

4

ДЕРЖИСЬ

РАДОСТЬ МОЯ

18+

Светлана Романова

Держись, Радость моя!

<https://litres.ru/74434647>

SelfPub; 2026

Аннотация

Четвертая книга о Юлии Кузнецовой -о преодолении и принятии себя, прохождение через кризис сорокалетнего возраста успешной карьеристки. Юлия, далекая от роли идеальной матери, проходит путь от бизнес-акулы до женщины, сознательно отказавшейся от корпоративного благополучия, полностью погружается в беременность и замыкается на семейных приоритетах. Но не останавливается на этом. Она должна идти вперед, так как является основным добытчиком своей большой семьи.

Несмотря на то, что Юлин главный принцип остается тем же - не жаловаться и полагаться на саму себя, она осознает, что без помощи мужа и детей не сможет справиться с новыми проблемами. Те, кого она воспринимала, как обузу, становятся ее главной опорой, а те, от кого она надеялась получить тепло и поддержку, либо предадут ее, либо покидают.

Произведение поднимает тему позднего материнства, сочетания его с карьерой, преодоления семейных кризисов, поиска внутренней гармонии и радости, невзирая на трудности.

Светлана Романова

Держись, Радость моя!

421173 зн=10,5 ал

Держись, Радость моя

книга 4 (2005 – 2008) гг.

10 января. 1966-1988-2000-2005

Десятое января — необыкновенная для меня дата. В этот день спрессовалось слишком много знаковых событий, из-за которых жизнь круто меняла направление вопреки ожиданиям. Судьба будто совершала дерзкие маневры, не спрашивая согласия.

Десятого января 2000 года после множества разочарований я встретила Диму. Кирюше в этот день исполнилось двенадцать — наше знакомство совпало с его днем рождения.

Удивительно, но и мой первый муж, Леня Склянкин, появился на свет десятого января. Я подарила ему сына на его двадцатидвухлетие, однако вместо благодарности услышала : «Ты испортила мой праздник».

Эти жестокие слова раскололи мне сердце — и эта дата приобрела новое значение: начало краха первой семьи. Тогда ситуация казалась катастрофой, но позже я осознала, каким счастьем было сбросить оковы несчастливой брака.

У нас с Димой получилось обрести гармонию. Однако спустя ровно четыре года после нашей встречи мы поссори-

лись настолько серьезно, что едва не расстались. Но магия десятого января спасла наш союз.

Минул еще год, и десятое января вновь стало датой, круто изменившей мою жизнь.

Однако...

Реальность, как всегда, разошлась с намеченным планом.

Секс по будильнику. Январь 2005

Десятого января две тысячи пятого года, ровно в двадцать два тридцать, по звонку будильника у нас с мужем — в строгом соответствии с врачебным предписанием — началась охота за яйцеклеткой. Признаюсь, я этот момент проспала. Утром Дима пошутил, что его ночные манипуляции напоминали некрофилию. Я рассмеялась и предложила наверстать упущенное. После чего, довольные, мы разъехались каждый в свой офис.

Узнать, стала ли «охота» успешной, можно было лишь к концу месяца, поэтому с намеченным увольнением я не торопилась и тянула время. Тем более что Зураб уехал в командировку, и делать мне было нечего.

Я старалась не придавать избыточную важность произошедшему, чтобы избежать разочарований. Но внутри против воли пульсировала надежда. То угасала, то снова разгоралась: а вдруг получится? Тогда, конечно, можно было рассчитывать хотя бы на декретные выплаты. Сумма выходила мизерная — одиннадцать тысяч в месяц, но и эти копейки лучше, чем ничего.

После возвращения Зураб держал дистанцию: было заметно, что связываться со мной он опасается. Заданий не поступало. Меня накрыла томительная скука. Впрочем, сейчас мое внимание сосредоточено на внутренних ощущениях. Я жадно ловила признаки зарождающейся жизни, но тело молчало.

Мы с Димой и Кирюшей продолжали посещать фитнес-клуб, и на привычной тренировке я внезапно «сломалась»: там, где прежде выкладывалась по максимуму, ощутила непреодолимую слабость.

Тут же купила тест, но одинокая полоска подействовала как жесткое приземление, заставив злиться на собственную доверчивость. Хватит выдавать желаемое за действительное. Вера в то, что ребенок может появиться по заказу, казалась верхом нелепости.

— Что за глупость? — ругала я себя. — Всю осень ничего не выходило, а тут завели будильник — и сразу чудо?

Тем более что характерной сонливости, которая накрывала меня в начале недавней беременности и в период ожидания Кирюши, не возникало. Расстраивала слабость и полная апатия, но я списывала их на уныние от сидения в опустевшем офисе.

А коли так, незачем здесь задерживаться, если данное место столь негативно на меня влияет. Максимум февраль еще продержусь — как раз Зураб в отпуск собрался. Без него станет не так душно, можно будет спокойно сидеть с книгой и

бездельничать. Хотя кого я обманываю? Надо использовать время, чтобы рассылать резюме и носиться по собеседованиям.

Вот только энергия на нуле, словно и не напилалась солнцем. Таскаюсь, как осенняя муха. Кто захочет нанять человека, у которого в глазах усталость? На интервью нужно «продавать» драйв, а у меня его не хватает, чтобы держать спину ровно. Такому тухлому кандидату хорошую работу вряд ли предложат.

И что на меня накатило? Впрочем, понятно — возраст. Здоровьем пора серьезно заняться, а не о глупостях думать. Хватит обманывать себя: с таким уровнем изношенности планировать ребенка — безумие. Пока есть возможность, нужно воспользоваться корпоративной страховкой, побегать по врачам и заняться анализами, а не строить воздушные замки.

На запланированный визит к гинекологу в конце января я отправилась с твердой уверенностью: ничего не вышло.

— Давай посмотрим на УЗИ, — спокойно ответила врач, выслушав мои жалобы.

Она двигала датчиком, сосредоточенно вглядываясь в мерцание экрана. Пауза затянулась, но вдруг лицо доктора просветлело.

— Юля! Есть! Вы все-таки его поймали!

— Вау! Не может быть! — я едва не подскочила на кресле, ощущая, как внутри все мгновенно перевернулось.

Врач сильнее прижала датчик, придвинувшись ближе к монитору, и воскликнула:

— Стоп! Что я вижу!

— Анэмбриония? — предположила я знакомый диагноз, сжавшись от нехорошего предчувствия.

— Да нет же, все в порядке! — врач улыбнулась. — Тут у нас другая история: второе плодное яйцо!

— В смысле — второе?

— Обрадуй мужа, у вас будет двойня!

Хорошо, что я лежала, а то ноги подкосились бы. От потрясения удалось выдавить нелепое «э-э-э». Но врач была занята. Она сосредоточенно сняла размеры и сверилась с табличкой.

— Невероятно. Это улов на день позже. У вас был секс на следующий день?

— Да, был... А почему это важно?

Я вспомнила, как Дима в шутку пожаловался на «некрофилию», и как радостно мы наверстывали упущенное утром.

— Потому что у тебя плодные яйца неодинаковые, — пояснила врач. — Обычно dizygotные близнецы зачат одновременно. Ты попала в категорию редчайших исключений, а доказательством того, что оплодотворение произошло с интервалом в несколько часов, является разница в размерах, которая на ранних сроках видна отчетливо. Поздравляю, вы снайперы!

«Ну что, Юля, — скептически усмехнулась я про себя,

— а чего еще ожидать от тебя и твоей судьбы? И в какие редчайшие исключения уже попала, и еще не раз попадешь, судя по всему».

Влипнуть в такое аномальное исключение и оказаться не «немножко беременной», а сразу «двойным тиражом», вполне соответствовало моему стилю. Вся моя жизнь моя была чередой событий, которые никак не вписывались в среднестатистические нормы.

Слишком рано лишилась мамы и в один миг повзрослела. Первый раз замуж вышла «на запах», и вскоре была послана «туда, откуда явилась». Забросила готовую кандидатскую диссертацию и устроилась секретаршей, чтобы выжить. Нашла любовь и потеряла, утонула и выплыла, а потом много раз начинала с чистого листа, не имея никого, на кого можно было бы опереться — возрождалась, стремясь к радости.

И если уж повезло встретить мужчину своей мечты, от которого я захотела ребенка — то должна за это заплатить вдвойне. В самом прямом смысле.

Вся моя «усталость» вдруг обрела иной смысл. Причиной была не депрессия и не старость — организм бросил все ресурсы на то, чтобы провернуть этот невероятный фокус.

Я обрадовалась, что так быстро забеременела, но дуэт внутри по-настоящему пугал. Вместо счастья пришел липкий, холодный страх: а получится ли его выносить?

Я всегда была миниатюрной — невысокая, худая, тонко-костная. Хотя прошло больше двух десятилетий со школь-

ного выпускного бала, на весах застыла цифра сорок девять килограммов. А сколько прибавляют с многоплодной беременностью? Двадцать — двадцать пять? А не согнусь ли я в дугу под такой тяжестью? Да и по возрасту далеко не девочка — справлюсь ли? Смотрела на свои тонкие запястья и пыталась вообразить себя с огромным животом. И не могла.

В интернете о вынашивании близнецов писали пугающие вещи: женщины набирают по тридцать килограммов и больше. Как мой организм выдержит такую нагрузку? В голове сразу возникли картины: жуткие отеки, одышка, висящая «фартуком» складка живота после родов.

К физическим рискам добавлялись медицинские. Мой отрицательный резус-фактор превращался в игру в рулетку с резус-конфликтом, где ставки возрастали с каждым днем. В голове теснились тревожные вопросы.

Реально ли дотянуть до срока? Ведь подобные беременности часто заканчиваются преждевременно, а это не только малый вес малышей, а букет осложнений, возведенный в квадрат.

И последняя, самая приземленная, но от этого не менее острая задача: а вывезет ли мой муж меня и троих — нет, четверых детей? Сможет ли он один стать опорой для всех нас? Ох...

Мир, который утром казался пустым из-за офисной апатии, вдруг стал слишком тесным от свалившейся ответственности.

— Ну? Что показало УЗИ? — нетерпеливо спросил он, сразу сняв трубку.

— Ты снайпер! — ответила я, лихорадочно соображая, как эффектнее преподнести остальное.

— Вау! Ура! — завопил он так, что пришлось отодвинуть телефон от уха.

— Но это половина информации, — продолжала я, стараясь удерживать ровный тон, несмотря на смесь восторга и паники.

Дима мгновенно напрягся, его голос дрогнул:

— Что-то не так?

Я выдержала паузу, добиваясь театрального эффекта:

— Понимаешь, тут промоакция была: пара по цене одного. Я не удержалась.

Дима не верил своим ушам:

— В смысле?

— Ты же знаешь мой подход — я ударница, даешь двойную норму!

Дима замер на секунду, переваривая услышанное, а затем радостно рассмеялся — в этом смехе было искреннее, бьющее через край счастье, что согрело меня. Он уже видел нас многодетной семьей, представлял шумные прогулки и игры. Для него эта новость стала высшей наградой. А мне было страшно. В ту минуту мы пребывали на разных планетах: он — на пике триумфа, я — перед лицом самого большого испытания в моей жизни. Его радость окрыляла, а мой страх

придавливал свинцовым грузом.

На меня не рассчитывайте! Февраль 2005.

Я долго вертела в руках телефон, прежде чем набрать номер Лины. В горле стоял ком — казалось несправедливым сообщать ей, что жду не одного ребенка, а сразу двоих. Стало неловко, словно нечаянно присвоила себе их с Семеном мечты. В голове навязчиво крутилась мысль: «Будто Варвара и Аркадий, которых Малины так долго планировали, достались мне — и я их у нее украла».

Когда Лина ответила, я выдавила, запинаясь:

— Лина, знаешь, я беременна. И, представляешь, будет двойня.

В трубке стало тихо.

— Поздравляю! — наконец отозвалась она тихо.

Мы помолчали. Лина добавила:

— Слушай, не говори пока Семену, хорошо?

— Лина, я не смогу долго скрывать, — мягко возразила я.

— Да, конечно. Но давай чуть позже.

— Хорошо, как скажешь.

— Я ведь тоже, может, скоро соберусь, — добавила она быстро. — Начала обследования.

— Ух ты! Какая новость! — я ухватила за ее слова. — Представляешь, как было бы здорово родить вместе!

— Ах, не загадывай! — выдохнула она, и в этом вздохе слышались надежда и скрытая боль.

Разговор с папой получился светлым и немного смешным.

Мы с Димой заехали к ним вечером. Лариса Христофоровна заварила чай, а я никак не могла начать. Наконец выбрала момент и сказала:

— Пап, у нас новости. Я беременна. И мы ждем двойню. Папа замер с чашкой в руке.

— Двойню? — переспросил он, не скрывая восхищения. — Вот это да! Моя дочь всегда отличалась умением находить нестандартные решения. Линейной модели предпочла кратное увеличение! Молодец!

Он поставил чашку на стол и добавил с гордостью:

— Значит, у меня скоро правнуки будут. Дождался!

Дима засмеялся:

— Нет, Владимир Иванович, это все еще ваши внуки.

— Ой, и в самом деле, — папа махнул рукой. — Старый стал, подумал, что дорос уже до прадеда.

Посвятила в наши перспективы и бывших свекров. Теплая реакция Анны Ефимовны искренне меня растрогала.

— Какая же ты умница, Юлечка! — воскликнула она. — Это лучший подарок для Кирюши, он не останется один. Я так переживала, что он останется один: нет ни братика, ни сестрички. Какое счастье! Да и сразу двое! Ты уже знаешь, мальчики это или девочки?

— Нет, пока рано, — ответила я, улыбаясь ее искреннему участию.

— Сообщи мне, пожалуйста. А я буду за тебя молиться. Вскоре мы пригласили в гости Димину маму, чтобы поде-

литься радостью. Теперь я ощущала себя увереннее в нашей семье, ведь вышла из роли «пустоцветной» невестки и не сомневалась, что свекровь придет в восторг от такого изобильного продолжения рода.

Наверняка, все эти четыре года она с нетерпением ждала, когда мы объявим ей о пополнении. Ведь она побывала бабушкой лишь единожды, не считая «незнакомых» Гришиных детей, связи с которыми оказались оборваны.

Маргарите Вениаминовне лет совсем немного — шестьдесят семь. Сейчас такой возраст называют третьим, когда женщина полна сил и энергии, а свободного времени — в достатке. Конечно, мне и в голову не придет сваливать на нее повседневную рутину и пеленки. Она слишком возвышенная персона, чтобы превращать ее в няньку.

Ее миссия — быть любимой и, к сожалению, единственной бабушкой-другом, а со временем стать для наших малышей проводником в мир музыки, театра и всего прекрасного. Бабушка-праздник. Моей мамы давно нет, поэтому для меня крайне значимо, чтобы Маргарита Вениаминовна дарила внукам удвоенную любовь и согревала их лаской за обеих бабушек.

Звали на ужин и Гришу, но он позвонил в последний момент, что не приедет.

Звали на ужин и Гришу, но он позвонил в последний момент и сообщил, что не приедет. Ничего, узнает позднее. Я предвкушала, как он и Маргарита Вениаминовна обрадуют-

ся нашему чуду в квадрате, и хотела, чтобы этот момент запомнился всем надолго.

И момент действительно запомнился.

Навсегда отпечатался в памяти.

Но совсем не так, как я мечтала.

Мы с Димой хлопотали на кухне, расставляя угощения. Нам хотелось создать атмосферу торжества и разделить ее с самым близким человеком. Ничего, что Кирюша задерживался на катке, а Гриша отсутствовал — главное было обрадовать Димину маму.

За столом Маргарита Вениаминовна, как всегда, щебетала о себе. Кот забрался к ней на колени. Мы с мужем переглядывались, сдерживая улыбки, — нас распирала тайна. Дима встал, постучал по бокалу, чтобы прервать ее затянувшийся монолог, и гордо объявил:

— У нас новость! Юля беременна!

Воцарилось молчание. Маргарита Вениаминовна недовольно поджала губы, выдержала паузу и объявила с нескрываемым раздражением:

— На меня прошу не рассчитывать!

Спихнув с колен кота, она резко поднялась и засобиралась домой, оставив нас в полной растерянности. Мы были обескуражены до такой степени, что не успели сообщить ей остальное — что ждем близнецов.

Я сильно расстроилась, хотя вовсе не планировала «рассчитывать» и сваливать на нее уход за будущими малыша-

ми, как когда-то, действительно, свалила Кирюшу на первую свекровь. Но почему было так больно слышать ее язвительную отповедь?

Я прочно стояла на своих ногах и не ждала помощи ни от кого, в последнюю очередь от нее, но услышать категоричный вердикт будущей бабушки было невыносимо.

Это был жестокий выпад. Свекровь выбрала не те слова, которые стоит говорить беременной женщине в ответ на такую весть.

Оказалось, что если ты ничего не просишь, тебя все равно могут раздавить надменным равнодушием. Да и походя небрежно обесценить все мои достижения и независимость, оскорбив предположением, будто я стремлюсь устроиться за чужой счет.

Несмотря на то что кокон безопасности, сплетенный вокруг меня Диминой любовью, был прочным, в начале беременности мне потребовался еще один, внешний слой заботы, пусть формальной. Вместо этого свекровь пробила мою защиту. Я снова почувствовала себя брошенной, никому не нужной, против которой — весь мир.

Во мне подняло голову давно забытое одиночество. Я остро ощутила собственную неприкаянность — хотя знала, как сильно меня любят Дима и Кирюша, а внутри носила два родных сердечка. Но этого оказалось недостаточно, чтобы успокоить старую рану и справиться с травмой, которую мне нанесла Маргарита Вениаминовна. Я ощущала такую боль,

как будто она действительно меня ударила.

Дверь за свекровью захлопнулась.

Я плакала, Дима суетился рядом.

Вместо семейного тепла дом наполнился ледяной пустотой. И только явление с катка веселого Кирюши помогло мне прийти в себя. Глядя на его румяные щеки и сияющие глаза, я поняла: мой настоящий «клан» — здесь, и никакой холод снаружи не может его разрушить.

Первая треть. Март-апрель 2005.

На удивление, в первые месяцы организм проявил удивительную покладистость. Я чувствовала себя бодро. Меня не тошнило, но сильный голод накрывал внезапно и так резко, что терпеть было невозможно. Я быстро набрала пять килограммов и расстроилась, но в дальнейшем вес менялся плавно, увеличиваясь вместе с животом. Естественно, об увольнении не могло быть и речи. Собственно говоря, все муки были не зря. Мне нужно было продержаться еще немного, прежде чем уйти на больничный.

Я отмечала в календаре дни, приближающие завершение первого триместра. По окончании этого рискованного периода планировала сообщить руководству «Арт Новуса» о грядущем декрете.

Помимо мелких поручений Зураба у меня не осталось дел. От скуки я проводила время в интернете. Признаться, безделье в офисе я терпеть не могу, и дело тут не в морали — мне становится невыносимо скучно. Уйти раньше положен-

ного нельзя, минуты застывают, превращая ожидание конца дня в пытку.

Я стала выходить на улицу, чтобы размяться. Вокруг кипела стройка, и бродить приходилось вдоль дорог и бесконечных заборов — место для променада было сомнительное.

Зураб в это же время сгорал от напряжения. Он катастрофически ничего не успевал, но доверять проекты целиком опасался, боясь потерять контроль, а делегировать работу по частям был не в состоянии из-за косноязычия и микромеджмента. В итоге он задыхался, пока не закончил свои секретные проекты. Опасаясь, что я испорчу ему мутные схемы, долго держал меня в неведении, но в апреле милостиво «вовлек» в рутину — подготовку огромного и невероятно нудного справочника.

Мне отводилась техническая роль по передаче материалов и сверке текстов — макеты он планировал утверждать лично, вникая в каждую запятую.

Встречу с дизайн-агентством назначили на вторую половину дня. Сияло яркое весеннее солнце, но в переговорной, окна которой выходили на север, было мрачно. Как будто зима застряла в этом сером пространстве. Все расселись за большим столом. Зураб включил компьютер, готовясь начать презентацию. Я заняла свое кресло в тоскливом ожидании скучного мероприятия и перевела взгляд за стекло.

Был такой контраст между синим небом, залитым светом, и этим фальшивым тусклым миром, где не было ни радости,

ни смысла, что мне внезапно стало невыносимо мучительно. Терять время больше не хотелось.

Я поднялась, подошла к Зурабу и не спросила, а констатировала:

— Меня тошнит. — и дополнила мысленно: — «От тебя».
— Поеду-ка лучше домой!

И, не дожидаясь ответа, покинула собрание.

На следующий день я оформила больничный, а затем, без перерыва, — еще несколько. Многоплодная беременность требует более бережного отношения.

Когда я покинула душный офис «Арт Новуса», напряжение сменилось радостью. Реальность замедлилась и наполнилась красками.

Служебную машину у меня, естественно, сразу отобрали, но на помощь пришла Танюшка, бывшая коллега из Кондитерского Холдинга. Она позвонила на следующий день, как я осталась «безлошадной», и сообщила, что они продают пятилетний Форд Маверик. Огромный внедорожник. Я как раз о таком мечтала.

Стоил он недешево. Я засомневалась. Траты казались несвоевременными и непомерными, но Дима, увидев мое воодушевление при виде мощного джипа, настоял на сделке. Он напомнил, что я должна радовать себя, да и детям будет безопаснее в таком танке.

Танин муж был настолько беспечен, что предпочел не тратить время в многочасовых очередях на переоформление

права собственности. Он выписал доверенность на нас с Димой, а мы отдали ему наличные.

Я гуляла в парке, вдыхая весну. Погрузилась в давно забытые ощущения роста новой жизни. Моей главной задачей стало беречь себя и тех, кто развивался внутри.

Но в середине апреля из этого погружения меня выдернула Лина. Ей требовалась помощь — внезапно, от инфаркта, скончалась её мама. Ей было всего пятьдесят пять лет.

Буквально за год до этого Лина купила ей квартиру в Москве и сделала современный ремонт. Она радовалась, что мама активно осваивает столицу, не вылезает из музеев и театров. Лина отправляла ее в путешествия в Европу — во Францию, Германию, Италию — и была счастлива, что мама наконец-то может наслаждаться жизнью обеспеченной пенсионерки. Но та не успела. Она уснула вечером и не проснулась утром.

Лина, генеральный директор, горько плакала, как маленькая девочка. Мне было ее нестерпимо жалко. Я разделяла ее чувства, как никто иной. Моя жизнь надломилась после маминой смерти. Потерять маму мучительно больно в любом возрасте.

Но Лина была не одна. Семен крепко держал жену за руку, не отпуская ни на минуту. Я тоже была рядом. Мой живот начал заметно выпирать вперед. Помня давнюю просьбу подруги, сообщила Семену о будущих малышах, когда скрывать это стало невозможно. К сожалению, радостная новость

совпала с тяжелой потерей, и из-за этого я почему-то ощущала себя виноватой.

Лина выстояла. Она упрятала горе в глубину души, надежно запечатав его там. Спустя несколько дней после похорон она вернулась к делам — собранная, строгая, целеустремленная. Она работала на пределе, пытаясь отвлечься от гнетущей пустоты.

Мы практически перестали видеться.

Крупная покупка. Май 2005

Удивительно, как трансформировались мои представления о комфорте и идеальном отдыхе с течением времени. То, что в юности казалось ограничением свободы или скукой, со временем превратилось в настоящую ценность.

Дачный уклад был мне неведом. В детстве мое лето делилось на три части: смена в лагере под звуки пионерских горнов, игры дотемна в пыльном дворе городской пятиэтажки и увлекательные поездки с родителями на машине к Черному морю.

Став взрослой, я выбирала жизнь в движении. Командировки, отпуска, бесконечные перелеты и новые страны — азартно коллекционировала впечатления, будучи уверенной, что личный участок мне не нужен. Мне претила мысль о добровольном заточении внутри забора.

Однако сейчас приоритеты изменились. Я загорелась идеей обзавестись своей землей. И обсудила это с Димой.

Слова, произнесенные вслух, часто материализуются.

В отличие от меня, Дима считал дачу неотъемлемой частью своего детства. Сразу после войны его бабушка и дедушка получили двенадцать соток в ближайшем Подмоскowie и возвели там скромный домик, который позже разделили между повзрослевшими детьми — Генрихом и Маргаритой.

В ходе преобразований с трех сторон сруба пристроили веранду, объединившую изолированные половины брата и сестры. На ее противоположных углах возвели два крыльца, а посередине — две кухни, условно разгороженные щелястой перегородкой с тонкой дверью.

Несколько лет назад и Маргарита Вениаминовна распределила недвижимость между сыновьями: трехкомнатная квартира на Киевской отошла младшему, тогда как старшему достались шесть соток и половина обветшалой хибары. Я побывала там прошлым летом и разочаровалась.

Весной наследники Генриха Вениаминовича предложили Диме приобрести их долю. Тот воспринял идею с восторгом. Он давно мечтал воссоединить и отреставрировать родовое гнездо. И предвкушал, как наша банда будет носиться по тем же тропинкам, что и он в детстве.

Я сначала загорелась. Но мое воодушевление остыло, стоило услышать сумму, которая показалась далекой от выгодной сделки:

—Цена за избушку на курьих ножках заоблачная. Мало того, что она сыпется, крыша протекает, фундамент поко-

сился, так еще нет ни воды, ни канализации. Удобства — во дворе! Чтобы превратить этот памятник разрухи в комфортное жилье, потребуются колоссальные вложения, — отказалась я.

Дима мягко настаивал:

— Это уникальный шанс! Вложимся постепенно, зато вся земля будет наша.

Я нахмурилась:

— Дима, у нас есть кусок этого участка, и сейчас мы не можем позволить себе расширение. В апреле ухнули сумму на машину, а в мае ты предлагаешь выкупить дачу? Разумеется, нам больше некуда девать деньги — масштабная покупка каждый месяц! Главное для меня сегодня — спокойно носить свой живот, а не ввязываться в безумные проекты. Нам осенью еще новостройку с нуля поднимать, ты об этом подумал?

Я нервничала, вспоминая, как в середине девяностых, по предсказанию гороскопа, за месяц внезапно стала владелицей квартиры, машины и дачи — и как плачевно все завершилось. Сейчас, разумеется, ситуация иная, но прямая аналогия с прошлым казалась мне недобрый знаком.

— Юлечка, пойми, — воодушевленно продолжал муж, — двенадцать соток — это уже не клочок, а простор. И рядом с Москвой! Мы отстроим маленькую усадьбу, и места хватит всем, я сам сделаю проект. Представь, какое раздолье будет тут детям!

— Дима, ну какой простор, какая усадьба?! — не выдержала я. — Ты в курсе, что у нас будет двойня, а на тебе висят старшие сыновья и мама? Сейчас ввязываться в такие траты небезопасно.

Димин оптимизм было не пробить.

— Юлечка, не переживай! Я набрал столько «допов», что к концу года мы полностью восполним все расходы.

— Вот ты сначала восполни, а потом поговорим! — отрезала я. Разговор был окончен.

Получив наш отказ, наследники тут же выставили свою половину на продажу. Начались просмотры, по участку потянулись чужие люди, и тут мы дрогнули. В голове сразу возникли картины: шумные компании прямо за стеной, незнакомцы под окнами и сожаление об упущенном шансе. Опасения взяли верх. Немного поторговавшись, ударили по рукам и оформили сделку.

Пришлось заплатить — без преувеличения — как за особняк. Нашу финансовую подушку, которая поднакопилась перед декретом, изрядно выпотрошили: осталась едва ли треть. Этих средств и гипотетических Диминых золотых гор должно было хватить на отделку бетонной коробки в высотке, ключи от которой обещали к концу года.

Что ж, жизнь в очередной раз доказала: все спланировать невозможно. Колоссальные расходы выпали на период, когда доходы заметно просели. Но стоило мне представить, как маленькие ножки будут бегать по травке, досада на опустев-

ший счет отступала.

В начале мая Дима перевез меня на наш участок. Муж светился от счастья: его родной дом и сад, хранившие память о бабушке и дедушке, не ушли к чужим людям, а останутся его детям.

Я тоже была довольна. Будто открывала мир заново: по-долгу гуляла, отдыхала в шезлонге под старой яблоней и дышала воздухом, наполненным чудесными весенними запахами.

Мир заново открывал и наш кот, который до этого ни разу не покидал квартиру. Первые дни он пребывал в шоке, но вскоре осмелел и обнаружил, что жизнь за порогом полна потрясающих возможностей.

Изя с головой погрузился в разборки с местными котами. В основном это была борьба за территорию, которая то и дело выливалась в жестокие схватки. Домой наш «боец» являлся, чтобы плотно поесть, отоспаться и зализать раны перед следующей вылазкой.

Кирюша принял новшества с удовольствием. Он взялся за дело всерьез: разобрал сарай, привел в порядок инструменты и залатал протекающую крышу в мансарде, где обустроил себе спальню.

Сын провел с нами майские праздники, а потом вернулся в Москву, выбираясь к нам изредка. Ему предстояли выпускные экзамены и поступление в университет, поэтому все свободное время уходило на занятия с репетиторами.

Дима работал на износ. Он постоянно пребывал в разъездах и порой ночевал в городе, если задерживался на объектах допоздна. Я видела, как он старался сдержать обещание и закрыть бреши в нашем бюджете.

Собственница, но не хозяйка. Июнь-июль 2005.

Впервые в жизни я обитала в ветхой лачуге без удобств, практически не покидая участка, и, к собственному удивлению, мне это нравилось. Этот уклад настолько не совпадал с прежним, что я диву давалась таким переменам. Недавно щеголяла в образе бизнес-леди на шпильках, занимала руководящую должность, а теперь превратилась в воплощение ироничного выражения: «босая, беременная и на кухне».

И ведь правда — все чаще ходила без обуви, получая от этого наслаждение. Много времени проводила у плиты, погрузившись в новое развлечение: воплощала необычные рецепты и создавала кулинарные изыски. Со стороны могло показаться, что это дауншифтинг в чистом виде. Но я не чувствовала себя уязвленной или униженной. Наоборот, мне открылась другая, неведомая прежде сторона жизни, где ценность момента была выше статуса.

Я полюбила просыпаться и выходить в сад. В дождь — подолгу сидеть на террасе, вдыхая влажный, свежий воздух. В солнечный день — устроиться в тени в шезлонге и замороженно следить за трепетанием листвы.

Мир вокруг кипел скрытой прежде жизнью: по веткам скакали белки, по вечерам в траве шуршали ежи, птицы пели

и вили гнезда, а где-то в кустах яростно дрались коты. Мне открылось множество нюансов, которые раньше я не ценила. Каждая травинка и луч солнца казались важным посланием, подтверждающим: все идет так, как должно.

Когда мы перебрались за город, Маргарита Вениаминовна стала регулярно наносить нам визиты. Прошлые годы, пока дача пустовала, она тут не появлялась, но теперь наезжала без предупреждения, не считаясь с тем, что у нас могут быть свои планы и дела. Дима пропадал на работе, и заботы по гостеприимству выпадали на мою долю.

Однако я не возражала, видя в этих бесконечных часах шанс наконец достучаться до свекрови. Мне хотелось верить, что мы станем ближе — ведь за четыре года лед так и не растаял, несмотря на все мои попытки стать для нее «своей».

Я не забыла ранившую меня фразу, которой она «приветствовала» новость о беременности, и не простила ее. Но осознанно отодвинула обиду на задний план. Понимала: выбора у меня нет. Маргарита Вениаминовна оставалась единственной бабушкой моих будущих малышей. Мне хотелось надеяться, что с их появлением ее каменное сердце смягчится.

Понимала, что никогда не стану для нее дочкой, как для Анны Ефимовны, — впрочем, на это и не претендовала: вторая свекровь — полная противоположность первой. Правда, Маргарита Вениаминовна не баловала заботой не меня, но и старшего сына Диму. Ничего, убеждала я себя, зато у кое-какой сладкой парочки получится найти подход к своей ба-

бушке.

И не сдавалась.

Однако и у Маргариты Вениаминовны был свой кумир, при взгляде на которого ее глаза начинали сиять, а лицо смягчалось. Все самые теплые чувства предназначались ее младшенькому, Грише. Вот он, кстати, был рад нашей новости. Бурно приветствовал новость и поднял за нее тост.

Свекровь часто оставалась у нас на пару дней. При этом вела себя так, будто заселялась в отель «все включено». Мне было не жалко для нее еды, но случай с тирамису задел за живое.

Я приготовила его специально к приезду Лины, вложив в это творение все вдохновение. Однако свекровь, обнаружив лакомство в холодильнике, съела его, не посчитав нужным спросить разрешения. Меня покорило такое бесцеремонное поведение. Но я закрыла глаза: конечно, та половина дома, которую она переписала на Диму, стоила несоизмеримо дороже этого десерта.

Я не умела долго таить зла и принимала Маргариту Вениаминовну со всем радушием, посвящая ей целые дни. Свекровь по-прежнему вываливала на меня затянутые, нудные истории, где главной героиней всегда была сама. Рассказчиком она была посредственным. Мельчайшие детали меня утомляли, монотонная речь усыпляла, но я стоически слушала ее, подкладывая лучшие кусочки, подливая чай и укрывая ее ноги пледом.

Я намеренно развивала наши отношения, мечтая о крепком семейном клане, где было бы уютно и старым, и малым. Когда работала, времени на это катастрофически не хватало. Пришла пора наверстать упущенное.

Раньше династия казалась мне незавершенной, а я не чувствовала себя полноценной женой и невесткой. Мне казалось, что разочаровываю этим Маргариту Вениаминовну. Но, став беременной, успокоилась: моей умной и утонченной свекрови, потомственной интеллигентке, будет с кем разделить свои интересы.

Я поморщилась — вспомнить противно, как безапелляционно и совершенно не интеллигентно Маргарита Вениаминовна заявила: «На меня не рассчитывайте».

Мне и в голову не приходило превращать ее в обслуживающий персонал или сваливать на нее уход за младенцами: просить менять подгузники или варить кашу. У меня хватит ума и ресурсов, чтобы нанять профессиональную помощницу.

Я снова поморщилась. Сижу и оправдываюсь за ее несправедливое подозрение в моем иждивенчестве. Черт, я с семнадцати лет полагаюсь только на саму себя, а тут.. навесили на меня унижительный ярлык.

Однако мне без нее не обойтись, в этом она права.

Предназначение единственной бабушки в ином — любить и быть любимой. Кому, как не ей, заядлой театралке, посвящать следующее поколение в мир прекрасного? Она оттаает и

станет для внуков мудрым проводником в мир знаний и искусства. Я представляла, как Маргарита Вениаминовна будет выискивать редкие спектакли и концерты, чтобы погрузить их в атмосферу искусства — ту стихию, где она чувствовала себя как рыба в воде.

Бабушка не сможет не поделиться с ними тем нематериальным богатством, которым владеет столь щедро. Ей наверняка будет в радость прививать им вкус, учить слышать музыку и постигать те тонкие материи, в которых мой уровень не сравнится с ее мастерством. Дима тоже мог бы этим заниматься, но его вечная занятость вряд ли позволит уделять детям время, а для Маргариты Вениаминовны эта роль стала бы идеальной.

Я предвкушала, как она станет читать крохам интересные книжки и вместе рассматривать иллюстрации. Представляла: бабушка сидит в центре, а с каждой стороны к ней прижимаются малыши. Эта умирительная картина помогала подавлять зевоту и сохранять внимательный вид, пока я изнемогала от нудных монологов свекрови.

Чем теплее становилась погода, тем чаще на дачу заглядывал Гриша. Он, очевидно, координировал свои визиты с матерью, так как никогда с ней не пересекался. Каждый раз его сопровождала новая спутница. Поток девиц сливался в карусель. Вероятно, его душа требовала постоянных перемен.

Однако в одном он сохранял редкое постоянство — в крайней запущенности. Брат выглядел расхлябанным, а его

рубашки — изжеванными.

Обычно парочка являлась без предупреждения и без лишних светских любезностей запиралась в свободной половине дома. Обычно они входили с противоположной стороны и не считали нужным поздороваться. И исчезали, не прощаясь.

Гриша разыскал в сарае и навесил тонкую дверь в проеме щелястой перегородки между нашими кухнями. Когда я видела ее закрытой, понимала, что у нас гости.

Дверь не служила ему преградой, когда он рыскал по нашим шкафам в поисках провизии, а главное — спиртного. Гриша воспринимал дачу как личную собственность, и это касалось всего, что там находилось, включая продукты. После его набегов оставались пустые бутылки из-под вина, купленного Димой на неделю, и опустевший холодильник. В раковине громоздилась грязная посуда.

Самым омерзительным был тяжелый запах: Гриша дымил в доме, не считаясь с моим положением. Я пыталась проветрить прокуренную террасу, настежь открывая окна, но едкий дух, казалось, намертво въедался в занавески. Грише в голову не приходило захватить с собой что-нибудь или убрать. В качестве компенсации за стол и кров он иногда приносил букет ромашек, сорванных по дороге со станции.

Пробовала поговорить с ним — он мило улыбался, а при следующем посещении ситуация повторялась. Когда с плиты несколько раз исчезали блюда, с любовью приготовленные для Димы, я разозлилась. Подобная беспардонность за-

девала: как можно съесть чужой ужин? Возникла дилемма: и ссориться не хотелось, и терпеть подобное было нельзя.

Преодолев брезгливость, я перетащила шезлонг ближе к воротам, соорудив наблюдательный пункт. Стоило Грише с подругой зайти в калитку, бросалась прятать провизию. Заносила кастрюли в спальню и задвигала под кровать. Ощущала себя при этом так, словно я ворую чужое, а не наоборот.

Не находя моих кулинарных изысков, братец шарил по ящикам: таскал картошку или яйца, либо, обнаружив сыр и колбасу, готовил сэндвичи. Я ворчала, но терпела — не желала портить отношения. По крайней мере, Диму по возвращении с работы ждал горячий ужин, а не перекусы.

В остальные дни, свободные от визитов родственников, я была предоставлена самой себе и наслаждалась свободой. Но, увы, понимала: это ненадолго.

Подобный досуг входил в диссонанс с моей жизненной установкой — вылезти из нищеты и оставаться независимой. Муж регулярно получал зарплату, но не «деньги». Дополнительные проекты отнимали у него уйму времени, но существенного увеличения доходов не приносили. Пока основной добытчик, то есть я, была придавлена тяжелым животом, мы медленно сползали в финансовый кризис.

Экзотическая птичка. июнь 2005

В начале июня Гриша возник на пороге с очередной девицей. Когда они вошли в калитку, я читала в шезлонге у

крыльца. Отложив книгу, поздоровалась, а сама лихорадочно соображала: необходимо срочно встать и спрятать вино и запеченную баранью ногу, которую недавно извлекла из духовки. Она остывала у открытого окна, и манящие запахи чеснока и поджаристой корочки перекрывали аромат пионов, росших под подоконником.

Пока я с трудом выбиралась из низкого кресла, Гриша поднялся на крыльцо, но девушка притормозила, растянула губы в улыбке от уха до уха и пропела тонким голоском, который резко контрастировал с ее крепко сбитой фигурой:

— Приииииивееееет!

Получилось чересчур сладко. Меня царапнул и фальшивый тон, и не менее фальшивый оскал, которые никак не вязались с ее цепким взглядом — в нем напрочь отсутствовало дружелюбие. Она возвышалась надо мной, как гора: я была ниже сантиметров на десять и ощущала себя мелкой.

«Ладно, вижу ее в первый и, вероятно, последний раз, нас и не представят», — мелькнуло в голове. Впрочем, ничего нового: когда у Гриши гон, ему не до светских условностей.

Вопреки обыкновению, Гриша объявил с придыханием:

— Прошу любить и жаловать — Стефания!

Он пропел это «Сте-фа-ни-я» столь торжественно, будто на наше крыльцо в окружении свиты ступила наследная принцесса.

— Это тебе, — Стефания сунула мне венок из одуванчиков. Застывшая гримаса прочно прикипела к ее лицу, но гла-

за оставались недобрыми.

— Спасибо, — выдавила я, стараясь сохранять вежливость.

И имя, и начало встречи показались необычными. Вместо того чтобы метнуться на кухню спасать вино и еду, притормозила и скользнула более внимательным взглядом по подруге Гриши.

На ее жилистой шее, обмотанной потертыми пластиковыми бусами, торчала крохотная голова, казавшаяся еще меньше из-за прилизанных жидких волос. Кого же она напоминает? Точно, динозавра: мощное тело и непропорционально маленькая голова. Брови и ресницы Стефании были белесые, глаза — бледно-голубые, лицо — невзрачное. Однако блеклость внешности с лихвой компенсировалась агрессивной яркостью одежды.

Под несвежей полосатой майкой на растянутых лямках свободно болтались длинные груди; широкая юбка цыганской расцветки в ярких разводах скрывала ноги до разлапистых ступней, обутых в ядовито-розовые резиновые тапки. На них мой взгляд и застрял.

Пока мы общались, Стефания беспокойно скребла тапки подвижными пальцами, то поджимая, то распрямляя их. Они пугающе напоминали когтистые лапы хищной птицы. Впрочем, логично — ведь птицы приходятся прямыми потомками динозаврам.

— Приятно познакомиться, — сказала я Стефании, хо-

тя испытывала обратные чувства. И дело было не в ее нелепом облике, а в пассивной агрессии, которая чувствовалась за километр. «Ладно, — успокоила себя, — вряд ли доведется встретиться с этой особой, все равно на следующей неделе Гриша другую приведет», — и отправилась спасать ужин для Димы.

Однако, вопреки моим прогнозам, Стефания стала частым гостем в нашем доме. Общалась она прежним приторным голоском. Моя интуиция была тревогу, безошибочно реагируя на скрытую враждебность этой экзотической птички, которую та тщетно пыталась маскировать имитацией улыбки.

Позже выяснилось, что по паспорту она значилась Степанидой. Впрочем, Стефания-Степанида была мне безразлична, и я быстро выкинула ее из головы.

Между тем приближался конец недели, а с ним и мой день рождения — тридцать девятый. Срок беременности едва перевалил за пять месяцев, а живот торчал на все восемь, пугая скоростью роста. А предстояло преодолеть еще более трети пути! Какого размера он будет к финалу?

Напрягаться мне было запрещено, я быстро уставала, но к празднику готовилась тщательно. Хотелось, пока была свободна, собрать близких и накрыть щедрый стол. Организовывать прием для большой компании было тяжеловато, но идея укрепления семейного клана не отпускала. Поэтому мы с Димой решили пригласить узкий круг родственников: па-

пу с женой, Маргариту Вениаминовну, Лешу с Кириллом и Гришу. Для друзей планировалась отдельная вечеринка позже: Лина уехала в командировку, а свой день рождения без Малиных я не представляла.

Сбор гостей был намечен на выходные. В пятницу утром Дима позвонил и сообщил, что сдает проект: закончит за полночь, а приедет в субботу вместе с Кирюшей.

После разговора с мужем я решила не откладывать подготовку к субботнему пиру, съездила на рынок, купила мясо, клубнику, черешню и абрикосы. Видя мое положение, продавцы помогали и доносили сумки до багажника, но я взмокла и устала. Вернувшись и отдохнув, испекла пироги и замариновала шашлык. Потом помыла ягоды и фрукты, красиво разложила на большие блюда и отправилась спать.

Мародеры. июнь 2005

Рано утром, выйдя на кухню, ахнула. Стояла, придерживая руками живот, беспомощно озираясь, и не могла поверить глазам. Грязная посуда, пустые бутылки, окурки, мухи — вместо заготовок для моего праздника. От шоколадного торта, на котором клубникой была выложена цифра «39», осталась половина.

Пока я спала, незваные гости развели мангал, съели шашлык и фрукты, выпили вино и уничтожили торт. Вот так подарок.

Я рванула на вторую половину дома и пнула дверь в спальню с такой яростью, что та с грохотом отскочила от стены. С

подушки приподнялись две лохматые головы. Я злобно отчеканила:

— Гриша! Ты уху ел?! ?? Чем я буду кормить гостей?!

Степанида улыбнулась — на этот раз вполне искренне — и повернулась на другой бок, выставив широкий зад в мою сторону. Гриша, лениво почесываясь, сел на кровати и недоуменно поинтересовался:

— А что случилось? Мы были голодны... Что такого? Сейчас пойдем и купим. Тоже мне проблема!

При этом он произносил эти слова — «пойдем да купим», но не думал двигаться с места. Зевнув, улегся рядом со Степанидой, спиной ко мне. Ярость вскипела во мне с новой силой. Я стояла в дверях, и кровь в висках стучала: «Разве так поступают? Разве это мыслимо?!»

Помимо самого факта мародерства, меня поражало: как вдвоем можно было столько сожрать? Как выяснилось позже, Гриша со Степанидой притащили с собой еще одну парочку. И закатали банкет. За мой счет.

Я не ожидала подобной гнусности от брата. Первым порывом было подскочить и отвесить ему смачного пинка, но от нахлынувших чувств дети внутри запрыгали и так потянуло поясницу, что испугалась — сейчас начнутся преждевременные роды. Усилием воли взяла себя в руки и выскочила из комнаты.

Рыдая, позвонила Диме, который пребывал в Москве, и велела срочно заехать в магазин. Он переполошился, начал

расспрашивать о случившемся, но я бросила, чтобы не тра-
тил время — увидит сам, когда придет.

Едва нажала отбой, телефон зазвонил снова. Это была Ли-
на.

— Юлечка, дорогая! Еле вырвалась с переговоров, чтобы
поздравить тебя... — начала она весело, но мгновенно осек-
лась, услышав мои всхлипы.

— Юля, что случилось? — вместо поздравления выдох-
нула Лина, на расстоянии считав мое состояние.

Я вкратце описала ночное нашествие. Лина помолчала. Я
отчетливо представила — будто видела ее перед собой, —
как синие глаза подруги потемнели от ярости. Голос изме-
нился, стал низким и жестким:

— Стоп. Не реви. Думай о детях — им это вредно. Кро-
ме того, сейчас явятся гости, а ты вся в соплях. Иди умой-
ся. Отпусти ситуацию и покажи всем, что ты сильная. Потом
обсудим. Я прилетаю завтра и сразу заеду к тебе.

Я послушно отправилась умываться. Затем переоделась,
привела в порядок лицо и внимательно посмотрела в зерка-
ло. Нет, никто не должен догадаться, что мне плохо.

Спустилась с крыльца — находиться на разоренной тер-
расе было невыносимо — и устроилась в шезлонге. Из Гри-
шиной двери выскользнула пара незнакомцев и, буркнув де-
журный привет, поспешно ретировалась. Я ничего не ответи-
ла, лежала, пытаясь направить внимание на ясное небо, све-
жую листву и яркие пионы, нежный аромат которых обожа-

ла. Ждала Диму и Кирюшу, гадая, кто прибудет первым: они или гости.

Мои мальчики успели вовремя. Привезли готовый шашлык, пироги, клубнику с черешней и несколько бутылок вина. Вскоре явились Маргарита Вениаминовна с Лешей. Пока Дима отмывал посуду и расставлял угощения, Леша с Кирюшей быстро развели мангал и нанизали мясо на шампуры. Я была не способна что-либо делать, ходила по пятам за мужем:

— Дима! Ты должен поговорить с Гришей!

— Конечно, дорогая, — отвечал он, не отрываясь от дел.

— Не «конечно», а сегодня! — настаивала я.

— Сейчас не время, праздник будет испорчен, — мягко, но твердо возразил Дима. — Зачем устраивать скандал при всех? Я обязательно поговорю с ним, обещаю.

Маргарита Вениаминовна, послонявшись по саду и выяснив, что Гриша спит, под села ко мне поближе. Она начала вещать о недавней выставке, но я сослалась на плохое самочувствие и сбежала. Сил изображать для любезность не было — они требовались для имитации хорошего настроения.

В этот момент к воротам подъехала большая машина Ларисы Христофоровны. Пока Кирилл распахивал створки, я бросилась навстречу папе. Опираясь на палочку, он входил в калитку с букетом бордовых роз. Папа едва удерживал их одной рукой, и в этом жесте было столько нежности и старой закалки, что у меня снова защипало в глазах. Я честно

старалась выглядеть счастливой — не хотела расстраивать ни Диму, ни тем более папу. Он оказался единственным из гостей, кто заметил, что я недавно плакала. Но я поспешила его успокоить, обняла, и от его радушия сама понемногу отогрелась.

Папа выглядел неплохо, держался бодро. Нарядная Лариса Христофоровна похорошела, и я была искренне благодарна ей за то, что рядом с ней он старается быть молодцом.

Мы сели за стол под яблоней, праздник начался. Как предвкушала этот день! Но горечь от разоренного гнезда и острая боль от обиды, нанесенной беременной женщине, не давали покоя.

Разумеется, я не хотела видеть ни Гришу, ни Степаниду, надеясь, что они проспят до вечера. Но Маргарита Вениаминовна, оказывается, уже имела счастье познакомиться с гренадер-девицей, отправилась их будить и, вернувшись, торжественно объявила: «Гришенька со Степушкой идут».

Вскоре оба, нечесанные и помятые, предстали перед компанией. Степанида была в том же наряде, что и при нашей первой встрече, однако ее майка выглядела заметно грязнее. Свежими на ней были только пятна.

Больше всего на свете мне хотелось выгнать их вон и высказать в лицо все, что думаю об этих подонках. Но ради того чтобы не расплескать едва вернувшееся спокойствие, сдержалась.

Я старалась не смотреть в их сторону, раскладывая салаты

по тарелкам. Но, оказавшись лицом к гостям, впервые лицезревшими Гришину избранницу, невольно считала их реакцией. Леша и Кирилл переглянулись и заржали. Дима повернул голову в мою сторону и приподнял брови; я в ответ скорчила гримасу, и он не выдержал, засмеялся.

Папа пропустил появление одиозной пары — был занят тем, что галантно ухаживал за женой. Зато меня рассмешили изумленные, широко раскрытые глаза Ларисы Христофоровны. Обычно беспристрастное лицо «Снежной королевы» выглядело ошеломленным. Взгляд холеной дамы скользнул по спутнице Гриши и замер на ее резиновых тапках.

Одна Маргарита Вениаминовна возликовала: вскочила и принялась усаживать парочку подле себя. Судя по всему, со Степушкой они были знакомы до этого момента и успели найти общий язык. Остальным Гриша представил свою подругу торжественно и с придыханием:

— Это моя Стефания!

Я старалась держать хорошую мину при плохой игре. Улучив момент, когда Гриша потянулся за бутылкой, чтобы плеснуть винца себе и Степаниде, предложила ему поднять тост в честь именинницы — то есть меня. Гриша растерялся, заметался и затравленно кинул взгляд на даму сердца. Та фальшиво растянула губы. Глаза остались ледяными. В этот миг все стало ясно: кто манипулятор, а кто — инструмент.

Гриша кашлянул и, покорно выполняя тайный приказ своей атаманши, небрежно бросил:

— Извини, я не в голосе сегодня.

Степанида воссияла — на этот раз искренне, а моя улыбка стала кривой и фальшивой. Настала моя очередь опешить. От растерянности не получалось вымолвить ни слова, а парочка наслаждалась моментом.

К счастью, тяжелый момент исправил Дима. Он вскочил и, перекрывая неловкую тишину, произнес тост в мою честь. И принялся целовать меня — так долго, что гости, подхватив волну, дружно закричали: «Горько!» Его горячие губы и сильные руки наполнили меня энергией и любовью. Мне мгновенно полегчало. Оцепенение спало, и я снова почувствовала себя хозяйкой своего дома и своей жизни.

Потом слово взял папа. Меня до слез тронуло то, с какой гордостью он говорил обо мне. Лариса Христофоровна кратко, но веско добавила: она в восхищении. Следом душевно поздравили Кирюша и Леша, а Маргарита Вениаминовна во всеуслышание объявила, что ее старшему сыну повезло с женой.

К Грише голос в этот вечер так и не вернулся. Он послушно соблюдал наложенный запрет.

Мой телефон разрывался. Было приятно, что, несмотря на временный выход из игры, обо мне помнили коллеги и старые друзья. Все были в голосе.

Когда позвонили Анна Ефимовна с Александром Афанасьевичем, я не выдержала и расплакалась — столько любви было в словах бывших свекров.

Маришка, подруга со школьных времен, засыпала извинениями, что не выбралась, но твердо пообещала скоро навестить.

Из далекой Германии пробилась Леночка; ее короткое, но сердечное поздравление снова заставило прослезиться.

Вечер выдался замечательным. Дима с Кириллом окружили меня заботой: успевали подносить горячие шашлыки, резать пироги и наполнять мой бокал «Боржоми».

Постепенно ко мне вернулось умиротворение. Я сидела в окружении близких, прислушиваясь к тому, как внутри толкаются те, ради кого это задумывалось. В сердце жила твердая вера: мы справимся, и впереди у нашей большой и крепкой семьи будет лишь радость.

Малина-Терапия . Июнь 2005.

Как и обещала, на следующий день Лина примчалась сразу из аэропорта. Несмотря на смену часовых поясов, подруга выглядела безупречно: излучала блеск и собранность. Само очарование в безупречно сидящем дорогом костюме.

Я смотрела на нее с восхищением и думала, что сама после такого перелета выглядела бы так, будто провела его в грузовом отсеке.

— Лина, ну нельзя быть настолько красивой! — воскликнула я. — Как тебе удастся сохранять свежий вид после стольких часов в воздухе?

— Аха-ха, Юлька, не преувеличивай! Бизнес-класс в самолете — как номер в отеле, с видом на облака. Я спала всю

дорогу. Ого, ничего себе! А живот подрос! Слушай, тебе не тяжело?

— Ничего, я в режиме энергосбережения: то полежу, то посижу, перемещаясь короткими перебежками от кровати до шезлонга. Эх, Лина... если бы ты знала, как на душе тяжело. Помоги понять — почему так? Что я сделала этой Степаниде? Мы знакомы пару недель, а она будто задалась целью уничтожить меня с первой минуты. И Гриша... он что, голову потерял? Пляшет под ее дудку, рушит отношения со мной и с родным братом. Неужели он не ведает, что творит?

— Начну с конца, в прямом и переносном смысле. Юля, ты же знаешь, где у мужчины находится мозг? Грише так сладко, что соображать он не в состоянии. Впрочем, я не замечала, чтобы он отличался умом и раньше.

— Лина, эта баба, на мой взгляд, отталкивающе асексуальна. Страшна, как смерть, и вся какая-то несуразная. Ужасно напоминает хищную птицу типа стервятника — с мощным телом и прилизанной головкой. А ее ноги — настоящие когтистые лапы! А злобная какая — словно не птичка, а бультерьер Степан. Впрочем, сама увидишь. Время к обеду, скоро проснутся. Не понимаю, чем она привлекла Гришу: раньше его девушки выглядели красивее. А он с таким придыханием ее всем представлял: «Моя Стефания».

— Юля, секрет прост: эта неопрятная хабалка и потасканный Гриша — два сапога пара!

— Два нечищенных сапога, — уточнила я, и мы заржали.

— А зачем тебе нужны эти маргиналы? Лучший выход — их игнорировать.

— Ты что, Лина! Это же единственный брат Димы! У моих детей должна быть крепкая семья: не только мать с отцом, но и бабушка, дядя, тетя, двоюродные братья и сестры.

— У них уже есть два старших брата, ты забыла про Кириюшу и Лешу. И дедушка жив.

— Я не забыла, наоборот, пытаюсь вовлечь все поколения. К счастью, Леша и Кирилл дружат. Вчера приезжали все: и оба наших мальчика, и папа с Ларисой Христофоровной. И Лариса, знаешь, за последнее время оттаяла — в отличие, кстати, от Маргариты Вениаминовны. Я пляшу вокруг свекрови: и внимание ей, и подарки, а она как айсберг.

— Ты, Юля, все-таки дура. Почему ты решила, что твоя свекровь должна обязательно тебя любить?

— Но я же к ней с открытой душой! Ведь любит же меня Анна Ефимовна. До сих пор мы с ней в прекрасных отношениях, несмотря на то что давно развелись со Склянкиным и потом с Кириюшей проживали в ее тесной двушке. А с Маргаритой Вениаминовной нам нечего делить, и обустроились мы с Димой на моей территории. В отличие от его первой жены Виолетты, я ни на что не претендую.

— Серьезно? А эта дача?

— Лина, но мы же выкупили вторую половину у наследников Генриха Вениаминовича. Заплатили круглую сумму из подушки безопасности. А первую половину Маргарита Ве-

ниаминовна переписала на Диму еще до нашего с ним знакомства. Я-то тут при чем?

— Ты правда не понимаешь? Удивляешь меня, ей-богу. Посмотри на ситуацию со стороны твоих новых родственников: у них уже есть негативный опыт с первой женой Димы, которая отжала у него трехкомнатную квартиру. Они смотрят на тебя и недоумевают: что тут еще за командирша появилась? И уже подмяла под себя дачу.

— Лина, но не бесплатно же! Мы отвалили за нее бешеные деньги!

— Юля, отбрось эмоции. Тебе вредно волноваться. Взгляни глазами твоей свекрови номер два. Для нее ваша покупка не имеет никакого значения. И юридический статус объекта недвижимости — тоже. Для Маргариты Вениаминовны этот участок и был, и остался ее собственностью, полученной от ее родителей. Она даже не думает о документах, но отлично знает, что и она, и любимый младшенький сыночек тут — истинные хозяева. А ты — агрессор, который хочет отнять у ее любимца дачу. Явилась такая «благодетельница» на ее голову и подгрехала все под себя. Конечно, ты становишься ее врагом.

— Лина... я даже не думала об этом...

— Думать иногда полезно.

— Гриша тут и так появляется по-хозяйски, а я молчу...

— Но и не рада?

— Но, Лина, он без спроса съедает запасы и выпивает все

до капли, а в пятницу разграбил мой день рождения!

— Он так привык. «Все вокруг народное, все вокруг мое». Особенно на даче, где прошло его детство. Считает себя в полном праве есть, что плохо лежит, и обижается, что я начала прятать от него самое вкусное. Он наверняка жалуется своей мамочке, для которой сыночек всегда хороший, а ты — стерва.

— Не могу в это поверить! В действительности все с точностью до наоборот.

— Увы, увy, представь себе. У тебя два варианта: встречать хлебом-солью Гришу и его Степана — ну, или какую еще бабу он завтра подберет на помойке, — либо спастись бегством.

— Как? Куда? Мы с Димой вложились в этот участок, чтобы моя беременность протекала здесь в тишине и покое.

— Ах, Юля, Юля. Не хотела тебя расстраивать, когда вы так стремительно, не посоветовавшись, заключили сделку с наследниками Генриха Вениаминовича. Вам стоило бы инвестировать во что-то иное, не принадлежавшее ранее родственникам Димы. Затея с этой дряхлой лачугой была ошибкой из-за того, что смена собственности произошла на бумаге. Фактически ты по-прежнему никто, а настоящие хозяева тут — Маргарита Вениаминовна и Гришенька.

Я потрясенно молчала. Потом тихо спросила:

— И что делать?

— Самым разумным решением будет дистанцироваться и

продать этот участок, а себе купить другой.

— Нет, Лина, это плохое решение. Для Димы это не дача, это родовое гнездо...

— Вот-вот. Не только для Димы, к сожалению. В этом-то и проблема!

— А почему нельзя всем жить дружно? Ведь я тоже не чужая, ношу под сердцем двоих внуков Маргариты Вениаминовны. Разве нельзя, чтобы этот дом не разъединял нас, а спланивал?

— Не хочу разочаровывать тебя, но ты слишком дорого за это заплатишь. Ты готова все это терпеть?

— Я попробую! Я хочу инвестировать и силы, и любовь, и финансы в то, чтобы создать крепкий семейный клан. Кроме того, верю: если открою свое сердце Диминым маме и брату, то и они постепенно полюбят меня и, главное, наших будущих малышей. А если мы поссоримся с Гришей, это автоматически будет означать и разрыв с Маргаритой Вениаминовной — единственной бабушкой моих детей. Я не хочу травмировать их, исключая из большого круга семьи только из-за того, что не могу потерпеть нашествия Гриши...

— И его неприкрытого хамства...

— Не все сразу идеально. Надо относиться к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе. Буду пытаться построить хорошие отношения.

— Юля, нуу коммент. Знаешь, мне пора ехать. Дома ждет Семен.

— Лина... Как жалко... Может, еще чуть-чуть останешься?

Но Лина быстро поднялась и, обняв меня на прощанье, направилась к ожидающей ее за воротами машине.

А я забралась в шезлонг, подняла глаза в ясное небо и стала мечтать, что все у нас будет хорошо. Надо дожидаться, чтобы двойняшки появились на свет. Тогда и сердце бабушки растает, и дядя полюбит своих племянников, и возникнут крепкие связи между такими разными членами нашего клана.

Армагеддон. июнь 2005

На следующие выходные мы с Димой решили устроить пикник для друзей. Повод нашелся: мы узнали пол своих двойняшек и собирались поделиться новостью.

Муж замариновал мясо, накупил свежих овощей, зелени и вина. Кирилл развел огонь и принялся колдовать над решеткой. Меня обложили подушками и запретили принимать в подготовке участие. Оставалось наблюдать за суетой со стороны и наслаждаться общением.

Хотя планировали посидеть тесной компанией, гостей в итоге собралась немало: нагрянула Маришка, заглянула Василиса из Холдинга, а через дыру в общем заборе с роскошным букетом редиски явилась смешливая соседка Сима.

Ну и, конечно, приехали Малины.

Чуть позже без приглашения нарисовалась и Маргарита Вениаминовна. «Ладно, бог с ней, — подумала я, — одним

человеком больше, не страшно». Однако свекровь тут же воцарилась в центре и привычно принялась перетягивать внимание, превращая встречу в собственный бенефис.

Но я не дала ей испортить праздник. Поймав паузу, громко объявила:

— У нас будет и дочка, и сыночек!

Свекровь осеклась на полуслове.

— Как — сразу двое? — растерянно переспросила она, словно впервые услышала о близнецах. А может быть, действительно, впервые? Маргарита Вениаминовна настолько была зациклена на себе, что могла и пропустить нашу двойную радость. Но я не успела расстроиться из-за ее глупого вопроса: все бросились поздравлять нас с Димой, перебивая друг друга.

— Юлька, ну вы даете! Королевская двойня! — восторженно закричала Маришка. — Сразу полный комплект!

— Это же надо так прицелиться! — подхватила Василиса. — И бантики, и машинки. Кирюхе скучно не будет!

— Слушайте, это же знак! — смеялась Лина, обнимая меня. — Это не дети, это какой-то джекпот. Ты героическая женщина!

Тем временем Семен перехватил инициативу за столом. Этот ярко-рыжий, высокий, невероятно харизматичный мужчина был прирожденным тамадой, становясь душой любой компании. Он поднял тост за «дочку и сыночка» и весь вечер сыпал прибаутками. Лина с восхищением следила

за мужем, время от времени остроумно дополняя его шутки. Глядя на Малиных, я невольно любовалась: до чего же ладная, красивая пара!

Вечер выдался теплым и ласковым. Мы долго сидели у огня. Первым сбежал жаворонок Кирюша, за ним поднялись Малины. Семен нежно прижимал к себе жену, которая уже клевала носом.

Компания постепенно разъехалась, Маришка и Василиса остались на ночлег — им нашлось место в мансарде, откуда переместили Кирюшу в нашу спальню на раскладушку. Маргарита Вениаминовна удалилась на пустующую половину. Там иногда зависал Гриша, но размещать гостей в те комнаты я брезговала.

Мы с Димой посидели у угасающего костра еще немного, но вскоре я не выдержала и отправилась на боковую, пока муж собирал остатки еды и таскал посуду в таз у колодца.

На крыльце виднелся силуэт кота. Изя терпеливо ожидал у закрытой двери, когда его наконец пустят. Несмотря на распахнутые окна, ему, как городскому жителю, был знаком только один путь — через порог.

Этот бандит не появлялся почти сутки. Его возвращение вызвало у меня умиление:

— Ах ты, гуляка, явился! Сейчас накормлю до отвала.

В холодильнике его дожидалась целая тарелка мясных обрезков.

Гуляка важно проскользнул внутрь, оглашая дом требова-

тельным мяуканьем в предвкушении угощения. Терраса, где стояли его миски, была отделена от комнаты, где спал сын, двойной дверью со стеклом.

— Тихо, тихо! Кирюшу разбудишь! Вот, ешь!

Однако нас с Изей поджидал сюрприз: в полумраке обнаружился лазутчик — вечно голодный местный кот. Этот пройдоха не стал церемониться: проник через окно и всю пировал на чужой территории. Я и раньше его подкармливала, но заходить внутрь строго запрещала, а тут — такая вопиющая наглость!

Изя тоже его увидел и мгновенно превратился в пушистую гранату с уже выдернутой чекой. Он застыл, и, раздуваясь от ярости, взирал, как злейший враг с аппетитом поглощает его корм. Казалось, еще секунда — и снаряд взорвется праведным гневом.

До меня запоздало дошло: через мгновение грянет катастрофа. Армагеддон. Битва титанов была неизбежна, и развернуться ей предстояло прямо здесь, на моей мирной террасе.

Началась лихорадочная спасательная операция: нужно было во что бы то ни стало предотвратить побоище. План казался простым — «разделяй и властвуй»: задержу одного здесь, а другого выгоню через окно в комнату. Но стоило лишь чуть приоткрыть дверь в спальню, как оба «дуэлянта» синхронно юркнули в узкую щель.

Там они замерли в боевых стойках и зашлись в вое. Угро-

жающие вопли стремительно достигли оглушительного кресцендо. Все еще надеясь изолировать противников, я попыталась перехватить Изю одной рукой, другой еле удерживая другой полную миску обрезков.

Но Изя рвался в бой! Он извернулся всем телом и, полоснув меня когтями, выскочил из захвата — жажда мести оказалась неукротимой.

От неожиданности и резкой боли я дернулась. Тарелка вырвалась из рук и, внезапно став «летающей», отправилась в эффектное пике.

Смачно хлопнувшись о стену над раскладушкой спящего Кирюши, она осталась цела, а вот ее содержимое веером разлетелось по сторонам. Мясной дождь накрыл все вокруг, заляпав белоснежную постель.

Происходящее напоминало декорации к ужасу о монстрах, только что распотрошивших очередную жертву. Один кусок растерзанной плоти свисал с лампы, другой венчал стопку книг. Кровавыми останками были усыпаны одеяло и подушка сына; сами коты тоже были им украшены, отчего выглядели ещё более зверски. При этом Кирюша, обляпанный ошметками, дрых без задних ног.

Эта сцена вызвала у меня неудержимый хохот.

Коты заунывно подвывали мне в унисон — получилось органичное трио, которое вполне подошло бы для радиоспектакля в сцене «Плач Ярославны».

В это время Маришка, привлеченная шумом, заглянула в

комнату и спросила удивленно:

— Юлька, а что вы тут делаете? Ревете втроем, как сирена. Ты подпеваешь котам, что ли?

Нечего и говорить, что в ответ я смогла только хрюкнуть и согнуться пополам в новом приступе. Коты даже не шелохнулись: они застыли в своих доспехах и заунывно продолжали свои партии.

Наконец Кирюша открыл глаза. Он был жутко зол, что его разбудили.

— Пшли отсюда, идиоты! — рявкнул он на музыкальных котов, пытаясь их разогнать.

Но не тут-то было. Те стояли на своих позициях намертво, словно приклеенные, и припустили еще громче.

Но тут сын заметил кусочки мяса на своей подушке и, безглаголиво приподняв один из них, спросил недоуменно:

— А это что еще за дрянь?

Тут я зарыдала в голос, перекрывая котов. Некоторое время мы голосили втроем, а потом вторым сопрано присоединилась Маришка.

Я чувствовала себя такой ослабшей, что не могла двинуться с места. Коты продолжали фанатично орать.

Сын разрядил обстановку, метнув подушку в чужака, и тот забился под кровать. Воцарилась тишина. Подруга бросилась ловить Изю, но тот ошетинился и предупреждающе зашипел. Его хвост, обычно гладкий, раздулся и стал похож на ершик для мытья бутылок.

— Шва... шва... швабру... — делая невероятные усилия, выдавила я, по-прежнему задыхаясь.

Кирюша притащил швабру и выковырял прищельца из-под кровати, после чего тот просвистел пулей в форточку.

Изя шумно пыхтел от возмущения, а я — от смеха, отчаянно пытаюсь отдышаться. Когда немного успокоилась, мы с Маришкой начали собирать мясо. Но каждый новый кусочек, извлеченный из кроссовка или прилипший к стене, снова ввергал нас в хохот.

Даже когда мы разошлись, я продолжала хихикать. Сцена из кошачьего хоррора продолжала стоять перед глазами.

Рашен деревяшии берлога декорейтед. Лето 2005

Во второй половине июня события развивались стремительно. Как предсказывала Лина, Гриша, игнорируя наши права, захватил вторую половину дома, руководствуясь принципом «свято место пусто не бывает». И стал он там жить не один, и даже не вдвоем со Степанидой, а втроем. А если точнее, почти вчетвером.

Втроем, когда выяснилось, у Степаниды, которую Гриша начал звать «Степашка», уже имелся от прошлого брака сын Филимон трех с половиной лет. Мать обращалась к нему: «Филя».

Ну, тут пазл в моей голове и сложился! Хрюша, Филя и Степашка! Для поколения, выросшего на ежевечернем просмотре «Спокойной ночи, малыши», другой ассоциации и быть не могло.

Хотя по внешним данным подруга Хрюши скорее напоминала не зайку, а ворону Каркушу. Ее хватка была столь же цепкой, как у хищной птицы, уносящей в когтях украденного поросенка. Но Хрюша был вполне счастлив таким полетом и верил, что это у него за спиной выросли крылья.

А вчетвером, так как ... через пару недель после переезда Гриша объявил нам, что Степашка слегка беременна! Правда, она продолжала курить и не отказывалась от винца, что было для меня удивительно, но стало ясно: поселилась она тут надолго. И явно не собиралась становиться матерью-одиночкой, хотя с Гришей была знакома чуть больше месяца.

С этих пор бабника Гришу я видела только вместе с его динозавром. У меня сложилось впечатление, что Степашка его гипнотизирует. Он ни на кого больше не смотрел, словно выпил ее приворотное зелье. Фактически так оно и было. Это зелье было приторно-сладким и называлось «лесть».

До этого маргинальным Гришей никто не восхищался. Девушки легко с ним расставались, понимая: он желает лишь возлечь на диване и доставать деньги «из тумбочки». Прошло уже почти два года, как он получил престижный диплом, но блестящее образование ни во что не конвертировалось — весь пар ушел в свисток.

Гриша верил, что он гений, но никто этого не видит. А Степанида это «разглядела» и пела ему в уши, какой он талантливый, одаренный, утонченный... Ее уста непрерывно мироточили лестью.

Гриша, получивший от мамы трехкомнатную квартиру на Киевской, стал лакомым кусочком для разведенной Степаниды. Та начала медленно пережевывать глупого поросенка.

Она не отпускала свою жертву от себя ни на шаг, пристегнув на короткий поводок. Но, прилипнув к Степаниде, Гриша быстро пропитался ее ядом, проникся злобой. До встречи с ней он был эгоистичным разгильдяем, безответственным лентяем, начинающим алкоголиком, но не был таким агрессивным. Правда, он стал меньше пить, что не могло не радовать Маргариту Вениаминовну. Но одновременно Гриша сильно изменился — наши отношения стали ухудшаться с каждым днем.

Тем летом Хрюша и Степашка, видимо в порыве гнездования, решили обновить ту половину нашего дома, в которой осели: замазали входную дверь пламенно-красным. Стены на своей террасе сделали все разными: одна стала мрачно-фиолетовой, вторая — ярко-желтой до мигрени, третья — химически-розовой. Этот радужный хаос напоминал мне сломанный калейдоскоп.

«И как они выбирали такое дикое сочетание?» — думала я, пока не спросила Степаниду напрямую.

— Да нашли четыре банки на распродаже, они копейки стоили, вот мы и решили их взять.

Этот бесхитростный подход к дизайну вогнал меня в ступор.

На этом буйство фантазии Хрюши и Степашки не закон-

чилось. Свое крыльцо и кухню они увидели мохнатыми веревками с колокольчиками, китайскими фонариками и пыльными макраме, натащили какой-то рухляди. Повесили тряпки-занавески, на всех окнах разные, а стол застелили клетчатой клеенкой. Обстановочка иллюстрировала строки Бродского: «скатерть спорит с занавеской в смысле внешнего убранства».

Дима назвал полученный интерьер «рашен деревяшн берлога декорейтед» и выругался, глядя на то, во что превратилась бабушкина дача. Гриша захлеб объявил, что свежий имидж их террасы — инициатива Стефании, обладательницы красного диплома по специальности «художник-стилист по костюмам».

Я была впечатлена: художник-стилист! С красным дипломом! Особенно поразило, что по костюмам. Полосы на ее растянутых заляпанных майках вкупе с бесформенными, на резинке, юбками, пестрящими аляпистыми крупными цветами, и розовыми резиновыми тапками выглядели как манифест безвкусицы.

Каноны стиля не задержались в голове Степашки. Судя по изжеванным рубашкам Хрюши, и уроки по владению утюгом она прогуляла.

Гриша продолжал торжественно информировать нас о перечне талантов своей пассии. Очередной профессией Стефании, конечно же, подтвержденной красным дипломом, значилось ювелирное дело.

Глядя на ее грубые руки с обгрызенными ногтями, я с трудом представляла их за тонкой работой. Впрочем, при виде ее любимых облезлых бус из дешевого пластика все становилось на свои места: ювелирное искусство — такая же фикция, как и остальные регалии.

Несмотря на «дизайнерский ремонт», грязь на территории Хрюна и Степана была повсюду: в тазу валялась немытая посуда, липкий стол был чем-то загажен, плита почернела от окаменевших отложений. Жирные мухи ползали по замызганной клеенке. Разномастные колченогие стулья, битые, из разных наборов тарелки и драный диван вызвали у меня неприятное воспоминание о давнишнем посещении дачи коллеги Васи.

Я старалась плотнее закрывать дверь, разделяющую наши половины. Будучи беременной, хотела видеть вокруг себя только прекрасное.

Вскоре эффект гнездования накрыл и меня. Возникло непреодолимое желание выкинуть весь хлам и тоже перекрасить все вокруг: стены, полы, мебель. Только в белый, в отличие от ядовитого винегрета Гришиной половины. Все в белое! Все! Я побежала к Диме. Он рассмеялся.

— Да ты эстет! Такой стиль называется «тотал вайт», когда интерьер целиком — включая и мебель, и аксессуары — несет эстетику стерильного минимализма. Я не против, развлекайся, но не будет ли для тебя это перенапряжением, дорогая? Может быть, подождем? В августе вырвусь на неделю

в отпуск, сделаем вместе.

— Нет-нет, хочу сейчас! Трудную работу не буду делать сама, в нашем поселке недорого можно нанять помощников. Тем более что площадь небольшая — спальня, мансарда да терраса с кухней, сделают быстро! А краску выберу не вредную, на водной основе, закажу онлайн.

Назавтра же наняла в поселке ребят, которые вынесли на помойку кучу мусора и лишнее барахло. Кирюша тоже активно участвовал в обновлении. Он сдал выпускные экзамены и ему была нужна передышка перед вступительными.

Сын с энтузиазмом переключился с умственного труда на физический, помогая выносить ненужный скарб, радуясь возможности преобразить дом.

Одежду мы спрятали в закрытые белые шкафы, которые купили в Икее.

После этого отдали ключи мастерам и вернулись на несколько дней в Москву. Я потратила время с пользой: сдавала анализы и посещала врачей. Кирилл остался на даче контролировать работы..

За пару дней все стены, оконные рамы и потолки на нашей половине стали цвета молока. Остатка краски хватило, чтобы покрыть старый буфет, стол и стулья на веранде, а на кухне — шкафчики и комод. Полы тоже колеровали в белый.

Заказав в интернет-магазине рулон жемчужного флиса и такого же оттенка атлас, я сострочила из них чехлы для диванов и кресел, подушки, покрывала и шторы. Сочетание

блестящей и матовой фактур привело меня в восторг, и я с нетерпением ожидала момента, когда смогу увидеть преображенный интерьер. Предвкушала, что будет как на картинке в модном журнале.

Я ахнула, открыв дверь на террасу. «Вот что означает выражение «начать с чистого листа», — думала, пока помощники вешали занавески и натягивали новые чехлы на мебель.

Пространство изменилось! До такого совершенства свой принцип «бело-чисто-пусто» я еще никогда не доводила. Визуальный шум исчез, и казалось, что вместе с ним растворились все проблемы. Диванные подушки стали похожи на пушистые облачка. Шторы раздувались на ветру как паруса роскошной яхты. Даже перекрашенный громоздкий стол будто занял меньше места.

Наш дом наполнился свежестью, светом и уютом. Он был готов принять новую жизнь. Меня переполняла гордость за Кирилла: пока нас не было, он не только навел идеальный порядок, но и укрепил крышу, подстриг газон, превратив заросший участок в аккуратную лужайку, и с удовольствием любовался сделанным.

Дима одобрил перемены. Он обнял меня, и мы стояли вдвоем, как на палубе, готовые вместе встретить и штиль, и бурю. Я прижалась к мужу и чувствовала, как проснулись и начали толкаться малыши. Дима тоже это заметил — с улыбкой ловил маленькие пяточки, которые проступали под кожей и тут же исчезали.

Единственным темным акцентом в светлом интерьере оказался наш черный кот Изя: вернувшись с прогулки, нагло развалился на диване, поставив толстую пушистую точку. При этом вписался настолько органично, будто был живым воплощением китайской философии инь и ян, и напоминал. противоположности дополняют друг друга, одно не может существовать без другого, и именно в этом — гармония.

Я замечала гармонию в каждой мелочи. Моя жизнь долгое время неслась на слишком высокой скорости, а сейчас словно притормозила. Проявились мелкие детали, которые раньше ускользали, теряясь в спешке. Мне было дорого это состояние покоя и умиротворения. Его бережно хранил крепкий кокон, сотканный из счастья, источником которого был Дима.

Его любовью были наполнены и я, и малыши. Мой муж не мог дождаться наших двойняшек. Вернувшись с работы вечером, он тихонько целовал мой живот, перед сном обкладывал меня подушками, утром приветствовал нас всех троих — и дети отвечали ему бурными толчками. Я наслаждалась своим состоянием, с тихой гордостью вынашивая под наследников, стараясь не придавать значения мелким неприятностям.

Токсикоз моей беременности. Лето 2005

Несмотря на зрелый возраст и многоплодную беременность, чувствовала я себя неплохо. Токсикоз отсутствовал. Я не только провернула ремонт, но и по-прежнему сама вела

домашние дела. Это была настоящая жизнь в радости.

Но я постоянно ощущала, как слащавая Степанида пытается пробить защиту моего кокона. При виде меня она вытягивала маленькую головку вперед и приторным тоном, якобы восхищаясь моей округлостью, величала меня «пухлым пончиком».

Плотная фигура Степаниды скрывала малый срок ее беременности, тогда как я набрала двадцать килограммов: из-за двойни вес прибавлялся стремительно. Живот выдавался вперед, как большой мяч. Я тщательно исследовала свою кожу. Растяжек не было. Меня поражало, какой эластичной она становилась, как резина.

Однако я начиталась в сети страшилок о том, что после рождения двойни у некоторых живот висит складкой, подобно фартуку. Переживала, что у меня возникнет аналогичная проблема, и что останусь жирной. Тем более что и «уши» на бедрах тоже появились, а грудь стала тяжелой. И правда, похожа на «пухлый пончик».

Слова Степаниды отравляли, превращаясь в навязчивый страх потерять форму, но врач успокаивала меня:

— Что за глупости? Ты здоровая женщина, все анализы в норме. Вес сбросишь, будешь краше прежнего!

Ее уверенность волшебным образом передавалась мне, и постепенно я стала меньше реагировать на колкости Степаниды. Но не один внешний вид был предметом нападений Степаниды.

Однажды, когда я сидела на крылечке, а Степанида возлежала неподалеку на одеяле, уминая пряники, ко мне подбежал Филя и звонко спросил:

— А Дима кто? Кем работает?

— Архитектор. Это главный над строителями, он объясняет им, как правильно дом строить.

— А ты кто? — продолжал мальчик.

Не успела я и рта открыть, как Степанида брякнула:

— Никто. Она просто мама.

Это вот обидно было, правда. Я достигла уровня директора подразделения, а в одно мгновение стала «никем». Класс! Не будешь же с пеной у рта доказывать ребенку, что перед ним не пустое место, а руководитель в декрете.

Степанида ловко обесценила меня. Вычеркнула годы карьеры, превратила мой опыт в ничто. Словно в фокусе «кручу-верчу, обмануть хочу», ухищренно подменила одно понятие другим. Я ужасно расстроилась. Неприятно осознавать себя «никем», когда за плечами столько побед и достижений, посильных далеко не каждому мужчине.

И опять подумала: ну что ни скажет Степанида, как ни взглянет — трава вокруг вянет. Ну сколько же яда в этом человеке? Или, как у Булгакова: «Злых людей нет на свете, есть только люди несчастливые»?

Так вроде и после развода у первого мужа двушку в центре отжала, и «жениха» с богатым «приданным» заарканила, и беременна уже для закрепления результата, и машина есть,

все от того же мужа, и на даче нашей бесплатно живут — откуда же столько желчи?

Правда, Гриша, вопреки надеждам Степаниды на высокие доходы, ожиданий не оправдывал. Мягко направляемый ког-тистой лапкой своей «птички», он изображал поиск работы, однако без всякого результата.

К счастью для безработной пары, отец Фили продолжал поддерживать Степашку, выплачивая щедрые алименты. Наши герои из «Спокойной ночи» беззаботно существовали на эти средства втроем.

Но вот парадокс: имея все для баланса, она выбирала путь негатива. Объединенные состоянием беременности, мы с ней должны быть наполнены похожими чувствами — волнением и радостью в ожидании детей, но Степанида не уни-малась.

Стараясь предотвратить трения и избегая плотного общения, я заранее подготавливала плацдармы для уединения: просила Диму по утрам ставить два шезлонга с разных сторон дома и мигрировала подальше от лежбищ Хрюши и Степашки.

Однако, участок был небольшим, жили мы под одной крышей и невольно наблюдали друг за другом.

Вскоре после того, как Гриша объявил нам светлую весть о зачатии, Степанида обратилась ко мне с полупросьбой-полуприказом:

— Скинь мне контакт своего гинеколога.

— Пожалуйста! Вот ее фамилия и телефон. Знаешь, это врач от Бога! К ней едут со всей страны, она редкий специалист, который видит общую картину, а не одни анализы. Принимает в современной клинике с отличными возможностями и сервисом. Да, там недешево, конечно, но здоровье дороже. Скажи, что наши мужья — братья и ты от меня, — искренне откликнулась я в надежде, что желание помочь станет первым шагом к нашему сближению и смягчит ничем не обоснованную натянутость отношений.

Но при следующем плановом посещении в клинике меня ждал неприятный сюрприз. Моя врач, обычно вежливая и приветливая, довольно холодно дала мне понять, что, несмотря на профессиональную этику, вынуждена отказать моей родственнице в ведении беременности.

Я была настолько поражена, что прямо спросила:

— А что случилось?

Однако врач уклонилась от подробностей, лишь сухо заметив, что их общение с первого же момента «не задалось». Я вышла из кабинета в полном изумлении. В голове не укладывалось: как можно было за один короткий визит настроить против себя человека такой выдержки и профессионализма?

Веселые игры. Лето 2005

Степанида обычно спала после обеда. В это время Филимон занимал себя сам или сидел с книгой. В неполные четыре года он уже хорошо читал и с удовольствием глотал сказки.

На свою блеклую мать он был не похож абсолютно. Темноволосый, с черными, близко посаженными глазами, он напоминал ежика с остреньким носиком — непривлекательно, но умного. Его речь была четкой и грамотной.

Меня поражала его самостоятельность: Филя сам ел, сам одевался, подолгу сидел с книгой. Он был развит не по годам и значительно опережал ровесников, а если общался с ними, то вел себя презрительно-высокомерно.

У наших соседей тоже был четырехлетний малыш, Петя. Иногда Филя снисходил до игр с ним. Петя с восторгом выполнял задания, придуманные Филимоном, но они зачастую отличались жестокостью.

То Филя рисовал на дорожке мелом круг и велел другу нырять в него, как в бассейн. Тот с разбегу плюхался животом на камни, разбивая локти и коленки до крови. Петя плакал, Филя смеялся.

Позже он придумал хлопать железной калиткой, просовывая в щель пальцы и выдергивая их в последний момент. Скоро Петя прищемил руку так, что его повезли в травмпункт. Филя снова смеялся.

Однажды я услышала, как он уговаривал Петю поймать нашего кота, накинуть ему веревку на шею и покрутить. Тут я не выдержала. Хотя не хотела лезть в воспитание чужих детей, но сказала твердо: я сама его покручу на веревке, если они тронут Изю хоть пальцем. Филя злобно зыркнул на меня и побежал жаловаться.

Степанида на веранде громко, не понижая голоса, успокоила сына:

— Старая дура, не обращай внимания.

Окна были открыты, и ее не заботило, что я слышу каждое слово.

Минут через пять она вышла в сад, увидела меня и, растянув тонкие губы в накладную улыбку, сладко пропела:

— Ой, какая ты румяная... и пухленькая, как пончик!

Дался ей этот пончик! Меня аж передернуло от ее приторности. Да, я превратилась в бегемота. Конечно, понимала, что «беременна — это временно», но все сильнее сомневалась, что когда-нибудь вернусь к прежней стройности. Это меня расстраивало.

Когда я ложилась на бок, то занимала добрую половину нашей кровати, прижимая мужа к стене. Живот тяжелой волной стекал вперед, и казалось, что в обхвате он превышает метр. Зрелище было — в цирке показывать. Я чувствовала себя при этом неплохо, но передвигаться становилось труднее. К середине лета меня раздуло, и почти все время я проводила в шезлонге в позе тюленя, наблюдая за бурным и ярким миром вокруг.

И пусть побьют меня камнями. Июль 2005

Закончив школу, Кирилл подал документы на химический факультет МГУ. ЕГЭ еще не ввели, и в июле ему предстояло сдать четыре вступительных экзамена. Это было нелегким испытанием.

Последние пару лет сын занимался с репетиторами, но этой весной, когда свободного времени у меня стало больше, я подключилась к его подготовке всерьез.

По-прежнему самым слабым местом сына оставались сочинения. Я корректировала или писала сама абсолютно все его творческие работы за всю школьную программу, пытаюсь научить этому сына, но результата не было. Зато в математике случился настоящий прорыв — ему стали поддаваться даже самые трудные задачи. Да и с химией он начал справляться не хуже меня.

Как-то раз мы корпели над органикой — нужно было вывести формулу. Я увлеклась, перепутала действия и вместо деления лихо перемножила цифры.

— О! Все сошлось! — торжественно объявила я. — Ответ C_2H_{104} .

Кирилл расхохотался:

— Мама, тебе Нобелевку надо дать! За изобретение вещества, которого в природе не существует!

Я сидела в упоении от «решенного» уравнения и недоумевала, почему он так веселится. Забыла, что углерод не обладает такой фантастической валентностью. Наконец, и до меня дошло.

— Ну все, — признала я. — Похоже, ты знаешь химию лучше меня.

После школьного выпускного Кирюша перебрался на дачу.

Мы сидели и часами решали варианты из сборников вступительных экзаменов в МГУ прошлых лет.

Накатил июль.

Первым экзаменом была математика. Кирилл сдал ее хорошо, на четверку. Следующей шла физика, которая пугала меня больше. Тут я помочь ему не могла: почему-то у меня этот сухой предмет вызывал отторжение.

Дима предложил призвать на помощь маму — когда-то она закончила Физфак и неплохо натаскивала абитуриентов, специализируясь на этом предмете. Я поморщилась. И в этот раз дело было не в свекрови — ее подопечные демонстрировали высокие результаты. Дело было во мне. Внутри все противилось моему жизненному принципу: «Никогда и ничего ни у кого не проси». Меня угнетала необходимость просьбы. Но Дима сказал, что сам к ней обратится.

— Кирюша — и мой сын тоже! — твердо заявил он.

Маргарита Вениаминовна с удовольствием согласилась.

Она перебралась на дачу, поселившись на террасе у Гриши. Почти неделю Кирилл и Маргарита Вениаминовна сидели под яблоней и разбирали сложные задачи.

Сначала я расположилась поблизости, чтобы быть на подхвате, но вскоре заметила, что Степанида тоже присутствует при этой сцене — в качестве зрителя из открытого окна.

Не желая находиться под ее надзором, решила слинять.

Сосредоточилась на том, чтобы обеспечить абитуриенту и репетитору разнообразное домашнее питание. Организовала его здесь же, на открытом воздухе, по принципу «шведского стола». Правда, вскоре обнаружила, что и Степанида с Гришей тоже начали столоваться от моих щедрот. Но только махнула рукой: главное, что подготовка шла нон-стоп.

По вечерам Кирилл, вырвавшись из плена физики, переключался на физическую работу.

Он вскопал полсотки у сарая и объявил, что собирается устроить там образцово-показательный газон. Это было настоящим вызовом: на всем участке, за которым много лет никто не ухаживал, сорняки стояли лесом. Пока многочисленные обитатели толклись на пяточке вокруг дома, сын решил отвоевать у хаоса новый простор.

Я со смехом наблюдала, как из тяжелого бревна он соорудил нечто вроде бороны и, словно бурлак на Волге, таскал его на веревке, выравнивая взрыхленную поверхность. Затем разбросал семена и снова утрамбовал землю. Купил нетканый материал и аккуратно укрыл свои посевы. Я от души веселилась, глядя на эти сельскохозяйственные работы.

— Кирюша, может, тебе подать документы в Тимирязевку? На агронома? — подначивала его.

Но он кивал и продолжал трудиться.

На экзамене он получил «пять» — отличный результат! Маргарита Вениаминовна ликовала. Это была её личная победа, подтверждающая статус успешного репетитора, и она

не скрывала торжества. А я была ей искренне благодарна.

Но расслабляться было рано. Впереди нас ждала самая непредсказуемая часть — сочинение.

И тут меня затрясло. Я вспомнила все. Острый осколок в моем сердце зашевелился. В памяти всплыли и «март, май, июнь, июль...», и диагноз «умственно отсталый», и нелепое «мама стоит на мосте и махает зеленой зарослью».

Моя травма закровоточила. Я осознала страшное: за все школьные годы сын не написал самостоятельно ни одного сочинения. Ужас сковал меня: двойка перечеркнет все успехи, и МГУ останется несбыточной мечтой. А что дальше? У него нет в запасе дополнительного года. Пройдет «июль», наступит январь, ему исполнится восемнадцать — и он загремит в армию.

Стала судорожно соображать: что делать? Перебирала все варианты — и честные, и нечестные. Моей целью стало найти те самые «дыры в системе», которая десять лет назад вынесла моему сыну жестокий и несправедливый вердикт.

И тут я вспомнила о другом семнадцатилетнем мальчике — Леше, сыне Димы. Между нашими подростками был всего месяц разницы, но Леша закончил школу в прошлом году и уже стал студентом. В отличие от Кирюши, у него язык был отлично подвешен, и по литературе успевал блестяще. Мне пришла в голову безумная идея: послать Лешу вместо Кирюши.

Внешне ребята были похожи: оба худые, большеглазые,

кудрявые. На мелких серых фотографиях, вклеенных в абитуриентские книжки, различия казались почти незаметными.

Я позвонила Леше и спросила, готов ли он участвовать в нашей аванюре. Леша согласился мгновенно — он воспринял это как захватывающее приключение. Чтобы добавить азарта, предложила оплату его труда, честно и по-деловому: за «пятерку» — пять тысяч рублей, за «четверку» — четыре, а за «тройку» — три. По меркам тех лет это были неплохие суммы, и для студента такой гонорар стал отличным стимулом.

Дима и Кирюша поржали над моей идеей, но согласились. Не готова оказалась только мама Леша. Виолетта узнала об опасной затее в последний момент и устроила Диме грандиозный скандал. Но Леша проявил твердость: утром в день экзамена ускользнул из дома без ее ведома.

Мы ждали его у входа. Вручили экзаменационный лист, проводили до дверей и сели на скамейку у памятника Ломоносову.

Я так нервничала, что дети прыгали у меня в животе. Казалось, сейчас рожу прямо здесь, у подножия Ломоносова. Прошло три бесконечных часа, и Леша — чрезвычайно довольный собой — появился на пороге. Все прошло благополучно: подмены никто не заметил.

Я выдохнула. Через несколько дней мы узнали результат — «тройка». Для кого-то это был бы повод для расстройства,

но для нас — победа: «июль» остался в прошлом, путь к мечте был открыт.

Кириша, воодушевленный успехом, блестяще одолел последний рубеж — химию — и получил заслуженную «пятерку».

В итоге в его ведомости значились: четыре, пять, три, пять! Сумма вместе со средним баллом аттестата превышала проходной порог на полтора пункта.

Сын прошел по конкурсу, и его зачислили на первый курс Химфака МГУ.

О, я знаю, что множество возмущенных борцов за справедливость забросают меня камнями. И пусть. Да, я была плохой девочкой и играла нечестно. Но кто сказал, что жизнь справедлива? И кто сказал, что я хорошая девочка?

Я готова была растерзать любого, кто помешал бы моему сыну учиться. И если на его пути встало дурацкое сочинение, способное перечеркнуть его жизнь, — без колебаний смела это препятствие. И ни секунды не сомневалась в своей правоте.

Променад на балконе. сентябрь 2005

В конце августа мы покинули дачу и сбежали в Москву. Гриша со Степашкой и Филей уехали раньше — им досталась социальная путевка в пансионат, и наш густонаселенный теремок вмиг опустел.

Я предпочла бы провести на свежем воздухе еще пару недель, тем более что погода стояла жаркая, но решила ре-

тироваться, когда узнала, что свекровь собирает подруг на день рождения и, как обычно, рассчитывает меня припахать. Она произнесла это как нечто само собой разумеющееся:

— Юлеечкааааа! Я пригласила гостей на субботу, не могла бы ты мне помочь? Ты так вкусно готовишь! Пока ты свободна!

Ее просьба ввергла меня в шок. Свободна! Неужели она не видела, как тяжело мне дается каждый шаг и какого размера я стала? И она всерьез хотела, чтобы в таком состоянии я отпахала ей банкет, как в прошлые годы? По ее мнению, перед ней была не будущая мать, а некий кухонный агрегат на ножках. Правда, слишком раздутый.

Конечно, я была ей благодарна за помощь Кирюше по физике — но не настолько, чтобы жертвовать здоровьем, и своим, и будущих малышей. А о том, чтобы заказать кейтеринг, не могло быть и речи — денег было в обрез.

Права была Лина: Маргарита Вениаминовна не ценила ни вложенные мною силы, ни вбуханные средства. Для нее закатить банкет, причем за наш счет, было легко и просто — произносишь «Юлеечкааааа», и изысканные яства готовы, столы накрыты. И можно благосклонно улыбаться и принимать восхищение гостей.

Разозлилась я страшно. Но и резко отказать не смогла. Поэтому пожаловалась Диме, что тянет поясницу. Угроза преждевременных родов — не шутка. Дима перепугался и сразу повез меня в Москву. Пришлось Маргарите Вениаминовне

подавать гостям сушки к чаю.

Хотя весь сентябрь стояла теплая погода, я не покидала квартиры, за исключением визитов к гинекологу, куда возил меня Дима - сама за руль уже не помещалась.

Ко мне иногда приезжали подружки. Нанесли визит и Лариса Христофоровна с папой. Ни банкеты, ни приемы я больше не тянула, поэтому сменила обильные застолья на формат чаепитий. Но мои гости ценили встречи не за еду, а за теплое общение.

Из-за моих размеров каждый шаг давался с трудом, а пятый этаж казался подъемом на Эверест. Чтобы я дышала свежим воздухом, Дима вытащил на балкон кресло. Там и проходило все мое время. Компанию мне составлял кот Изя.

В один из солнечных дней бабьего лета мне захотелось спуститься в парк. Но одна не решилась. Тут вернулся из университета Кирюша, быстро поел и вышел ко мне на балкон.

— Мам, ты как? Нужно помочь с чем-нибудь?

— Кирюш, выгуляешь меня? А то одной мне тяжело.

Кирилл бросил внимательный взгляд на мой необъятный силуэт и на мгновение завис — прикидывал мои шансы на променад, — а потом креативно предложил:

— Слушай, давай лучше покатаемся по району. На машине с открытыми окнами.

Я расхохоталась. Видимо, и впрямь недооценивала свои габариты, раз сын дипломатично поставил под сомнение

мою способность дойти хотя бы до угла.

Хотя я и наблюдала за миром с высоты, это не мешало мне оставаться активной участницей окрестной жизни.

Как-то раз, водрузив свой живот на подушки, заметила, что прямо под окнами, среди плотно припаркованных машин, пригрелись две собаки. Глядя на них, прониклась сочувствием и вспомнила, что в недрах холодильника как раз завалились пара котлет недельной давности.

«Сойдет, — решила я. — Пусть им с неба свалится манна небесная. По штуке на нос».

Выпросталась из кресла и потащилась на кухню.

Боже мой, как тяжело стало преодолеть обычный коридор, поразилась, вернувшись на балкон с добычей. Примерилась и метнула свой «дар» вниз.

Но котлеты почему-то решили поспорить с законами физики: предательски отклонились от вертикали и сочно шмякнулись на новенькую иномарку, припаркованную у самого подъезда. На ее блестящей крыше расплылись две жирные, мерзкие кляксы.

Тут же на весь двор истошно заорала сигнализация. Псы, вместо того чтобы оценить угощение, в ужасе дали стрекача.

Я тоже ретировалась, задыхаясь от смеха над собственной глупостью. Благодетельница, называется!

Заваривая чай, продолжала хохотать. В этом происшествии был какой-то высший символизм: эти котлеты напомнили мне мою собственную судьбу. Моя жизнь никогда не

шла по плану: самый точный расчет неизбежно превращался в кляксу.

А что у вас, машины, что ль, нету? сентябрь 2005

Даже в таком обездвиженном состоянии мне было чем заняться.

Решение о круглосуточной няне, ожидающей меня по возвращении из роддома, было принято давно и обсуждению не подлежало. Я приступила к поиску.

Свой официальный статус "старородящей" я воспринимала без иллюзий, трезво оценивая те нагрузки, которые неизбежно несет с собой двойня. Мне было необходимо было отдыхать ночью: сон стал хрупким, и если меня будили, больше не могла сомкнуть глаз.

Разместив объявление в газете, устроила кастинг. Чтобы отсеять заведомо неподходящих кандидаток, подготовила отборочные вопросы для телефонного интервью. Для тех, кто добирался до персональной встречи, разработала более детальную анкету. Зарплату предлагала высокую, поэтому звонки шли один за другим.

По телефону я выясняла базовые данные: имя, профессию, возраст, наличие собственных детей. Но куда внимательнее слушала не ответы, а голос и интонации. Мне предстояло провести рядом с этим человеком немало времени, и важна была каждая мелочь. Сразу отсекала женщин излишне напористых, ограниченных или обладательниц неприятных, визгливых голосов.

Осознанно и серьезно я работала над созданием гармоничной атмосферы в нашем доме. Между Димой и мной были неприемлемы ни крик, ни даже раздраженный тон.

Если быть до конца честной, иногда в запале я могла резко поставить точку в споре, но сразу становилось стыдно, и я бежала к мужу просить прощения. Дима в ответ никогда не вставал в позу. Он молча открывал объятия, принимая извинения как нечто само собой разумеющееся. В его поведении отсутствовало снисхождение — лишь понимание моего темперамента. Муж умел гасить мои вспышки одним присутствием, возвращая в дом гармонию, которую мы оба ценили.

Впрочем, до унижительных грязных ссор мы с ним никогда не опускались. Любые конфликты обсуждались, и выход находился. Я презирала базарную несдержанность и считала, что истеричные вопли разрушают любовь и не способствуют счастью.

Я хотела, чтобы будущая няня стала не наемным работником, а близким по духу человеком, созвучным нашему внутреннему миру.

Мне хватало первой минуты, чтобы попрощаться с большинством соискательниц. Тем, кто удерживал мое внимание дольше, задавался вопрос: «А чем вы гордитесь?» Многих это ставило в тупик. Для меня же было принципиально важно, чтобы женщина имела в жизни достижения, за которые могла бы себя уважать.

Кроме того, ответ на этот вопрос безошибочно выявлял уровень развития человека и степень его согласия с самим собой. Мне не хотелось впускать в дом ограниченную личность, которой неведомо чувство гордости за собственную жизнь. Или, что еще хуже, сожалеющую о прошлом. Подобные мысли порождают неудовлетворенность, а она, в свою очередь, трансформируется в зависть и злобу. Мои же дети должны были расти в атмосфере радости.

Соискательницы, которые отвечали: «Я горжусь, что дала высшее образование своим детям» или даже «Горжусь тем, что умею вкусно готовить», проходили на второй этап отбора.

Однажды позвонила тетка, чей нагло-напористый тон моментально меня напряг. Она сразу провалила «тест первой минуты». Я вежливо сворачивала разговор, мысленно вычеркнув ее из списка. Однако дама оказалась не промах. Она резко перехватила инициативу:

— А когда вы за мной заедете?

Ее вопрос удивил меня. На всякий случай я уточнила:

— За вами? Заеду?

— Ну да! — буркнула она, раздраженная моей непонятливостью. — А что у вас, машины, что ль, нету?

Я сначала опешила от подобной беспардонности, а потом расхохоталась:

— Куда прикажете подавать?

Были и другие «заманчивые» идеи. Например:

— Вы ждете двойняшек? Ой, как хорошо! И у меня сынок полугодовалый, они подружатся. Он не помешает, со мной в одной кровати будет спать!

После такого откровения я на мгновение зависла, пытаюсь представить эту «веселую компанию» в своей квартире.

Вскоре поступило еще одно интересное предложение. Кандидатка сообщила:

— Мне тридцать два года, у меня огромный опыт: трое детей.

— Они, вероятно, еще маленькие и требуют много внимания? — осторожно уточнила я, уже готовая услышать в ответ, что все будут спать в одной кровати

— Нет, что вы! Вполне уже взрослые: семнадцать, шестнадцать и четырнадцать лет.

Я быстро посчитала в уме, в каком возрасте она начала этот марафон, и вежливо отказала. Разные обстоятельства бывают, конечно, но к таким вариантам была не готова.

Но больше всех поразила одна девица. Ей было под тридцать, и прибыла она из «дальних далей» с предельно конкретной целью — найти в столице «мужика богатого». О чем, не стесняясь, заявила мне в трубку.

Поскольку няне предоставлялась комната, она планировала использовать ее как плацдарм. План был прост: в будни — формальное присутствие, в выходные — активное устройство личной жизни, а остальное время — нетерпеливое ожидание следующих свиданий. Пара орущих младенцев в этой

схеме выступала досадным фоном.

— А не будут ли вам мешать мои малыши в столь важном деле? — поинтересовалась я с неприкрытым сарказмом.

— Нет, не будут, — ответила искательница богатого мужика.

— Что ж, я вам тоже мешать не буду, — обнадежила я ее и повесила трубку.

На второй этап — ко мне домой — добиралась лишь малая часть из позвонивших. Я предлагала им заполнить анкету, где просила указать паспортные данные и два контактных телефона — свой и близкого родственника.

Анкета была краткой, всего одна страничка, но емкой. Меня интересовали характер и реальные причины поиска подобной работы.

Меньше всего хотелось нанять человека, который планировал «пересидеть» у меня, пока не решатся его личные проблемы.

Одна из претендентка, получив листок, разочарованно пробормотала:

— А, так это агентство...

Я рассмеялась, указывая на свой непомерного размера живот:

— Нет, оба клиента на подходе, ждем их прибытия.

«Наша» няня в итоге нашлась. Она сразу пришлась мне по душе: и добрым лицом, и позитивным отношением к жизни. Звали ее Рая.

— Горжусь, что моя дочь окончила медицинский! — поделилась она. Мне-то не довелось получить образования, а она стала врачом!

Мне это восхищение понравилось даже больше, чем ее анкета. Я стала расспрашивать Раю подробнее. Судьба у нее оказалась нелегкой, но в какой-то момент она произнесла:

— Знаете, из любых ситуаций всегда есть выход. Даже из самых безвыходных.

Эта фраза меня покорила. В этом девизе откликались и мои принципы, и это окончательно решило выбор в пользу этой простой, но мудрой женщины.

Сентябрь близился к концу. Моя беременность перевалила за тридцать восемь недель. Для двойни это редкость — моя врач хвалила меня уже тогда, когда срок дошел до тридцати шести, и говорила, что каждый дополнительный день — это чудо.

На очередном визите она стала настаивать, чтобы я заранее легла в отделение патологии роддома под медицинский контроль.

— С двойней до срока почти никто не донашивает, — объясняла она. — Слишком большой риск, если придется ехать экстренно.

Я привыкла ей доверять. Подхватила давно собранную сумку, и Дима отвез меня в заранее выбранную больницу, где у меня была договоренность с врачом “по рекомендации”.

На ваших примерах учебник можно написать! Ок-

тябрь 2005

Мы стояли в приемном покое и прощались. Я посмотрела на мужа — мне он показался таким немолодым и усталым, что заплакала. Меня не пугали роды. Я боялась, что мы не потянем.

Господи, мне скоро сорок, ему сорок четыре. Во что мы связались? Нам предстоят годы нелегких испытаний, и сможем ли мы с ним, такие пожилые, поднять четверых детей? Конечно, славно, что старшие сыновья уже студенты, но пока они не встанут на ноги, обеспечивать их придется еще минимум лет пять. Смогу ли я вернуться в строй, повязанная двумя младенцами? А в одиночку Диме нас всех не потянуть, ох не потянуть...

Дима обнял меня, и его руки не сомкнулись у меня за спиной. Я уткнулась в его плечо. А потом молча ушла по длинному коридору, боясь оглянуться.

Знала только одно: сейчас нельзя ныть, надо продолжать идти вперед.

Минула неделя заточения в отделении патологии. Схватки не начинались. За окном сиял ослепительный октябрь. В палате стояла такая духота, что нечем было дышать. Когда муж собрался навестить меня, я велела ему захватить отвертку.

Вооруженная, взобралась на подоконник и хладнокровно открутила замок на форточке — в палату, наконец, ворвался воздух. В этот момент в дверях возникла медсестра. Она

вскрикнула и бросилась ко мне — видимо, решила, что на девятом месяце я задумала побег через окно пятого этажа. Перепуганная, помогла мне спуститься и велела немедленно идти на обследование.

Врачи в бесплатном роддоме были людьми с большой буквы. За одним исключением. Докторша, которой я должна была заплатить круглую сумму «за поддержку», предала меня. Ни мой возраст, ни двойня не были секретом; мы заранее условились: рожаю сама. Но она начала планомерно запугивать меня, раз за разом доводя до слез. Настаивала на кесаревом, используя мерзкие манипуляции.

Она была единственной, кто изливал на меня агрессию, едва скрывая ее за дежурной вежливостью. Я горько жалела, что не отказалась от её «услуг», но считала, что назад пути нет. Мы обещали ей солидное вознаграждение, и мне казалось неприличным разорвать договоренность.

Она изводила меня ужасами, склоняя к плановой операции.

— Допустим, одного вы родите, но второго — высокий риск задушить. Он лежит неправильно! Вам нужен ребенок-инвалид? — этот вопрос вызывал у меня истерику.

Конечно, случай мой был непростым: первый ребенок расположился головкой, а второй — поперек, создавая угрозу застревания. Но я знала: при правильном сопровождении справлюсь сама. К тому же, давно перестала быть неопытной «первородящей» и «хорошей девочкой».

Поэтому отправилась прямым к заведующему отделением — мужчине лет сорока, умному и внимательному. Моя докторша была в ярости от такого самоуправства, но я заявила: хочу получить мнение еще одного профессионала.

Вскоре по моему поводу собрался небольшой консилиум.
— Своего старшего в тазовом предлежании весом четыре килограмма я родила сама, — доложила я собранию. — Уверена, что справлюсь и сейчас. Первый ребенок лежит головкой вниз. Если же второй все-таки застрянет поперек — я согласна на экстренное кесарево.

Заведующий улыбнулся и посмотрел на меня с интересом:
— На ваших разнообразных примерах нам останется написать учебник по акушерству!

Я рассмеялась, и мы сразу оказались на одной волне. Затем, уже вполне серьезно, он разложил по полочкам плюсы и минусы операции и резюмировал:

— Если есть желание рожать самостоятельно и позитивный настрой, все получится. Единственное условие — рядом будет дежурить хирург.

Остальные специалисты поддержали этот план. Мы расстались, ощущая взаимное доверие.

Роды с улыбкой Октябрь 2005

Моя докторша заметно сбавила спесь, но начала подгонять время, запугивая тем, что двойняшкам не хватает кислорода. Хотя срок стоял на четвертое октября, второго вечера она подошла к моей койке и безапелляционно заявила:

— Я заступила на дежурство. Хватит тянуть. Иди жалуйся, что воды отходят. Тебя переведут в родблок, я сделаю прокол, после чего начнутся схватки.

Я горько жалела, что связалась с ней, но у меня не осталось ресурса на сопротивление. Однако почувствовала себя на финишной прямой, и настроение улучшилось. Я подошла к дежурному посту, сияя улыбкой, и радостно «пожаловалась»:

— Кажется, начались схватки! И воды подтекают.

Медсестра оторвалась от бумаг и посмотрела на меня с недоумением. Видимо, обычно испуганные женщины сообщали ей о начале процесса иным тоном. В ее глазах читалось замешательство: мой веселый вид никак не вязался с образом роженицы.

— Что вы имеете в виду? — растерянно переспросила она.

Меня позабавила ее реакция.

— Имею в виду, что рожая! — подтвердила я сквозь смех.

Она снова окинула меня недоверчивым взглядом, покачала головой и, наконец, встала:

— Ну, раз так... Пойдемте на подготовку.

После процедур на лифте меня подняли в другое отделение. За стеклом в боксе лежала молодая женщина и увлеченно читала детектив. Время от времени она откладывала книгу, глубоко дышала, переживая схватку, а затем опять углублялась в сюжет как ни в чем не бывало.

Ее невозмутимость поражала. Немного позже ее покой сменился суетой. Сначала из ее отсека долетали четкие команды врачей, но вскоре раздался звонкий крик младенца, сопровождаемый дружным хором голосов:

— Молодец! Умница! — акушеры искренне хвалили роженицу за правильные действия.

Я решила, что справлюсь не хуже и тоже заслужу свои «Молодец!» и «Умница!». В первый раз не орала — не буду и сейчас. Страх не было.

Во время схваток я представляла, что внутри меня, как в сказке про Дюймовочку, в плотно сжатом бутоне спрятаны два маленьких человечка. Каждая схватка — это лепесток, который медленно раскрывается. Лепестков много, они долго защищали малышей, и их требовалось открывать осторожно, один за другим, не торопясь. С каждым разом будто наяву видела, как все больше лучиков солнца проникает в середину цветка.

Так длилось пять часов, но конца не было видно. Я дышала, работала, пока справлялась. Меня перевели в операционный блок, врачей прибавилось. Все были милыми и приветливыми, кроме моей платной докторши — та оставалась злой и хмурой.

Чтобы заглушить боль, я начала рассказывать о своих путешествиях. Думаю, у этой смены выдалось интересное дежурство. Вещала об Индии, о других странах, о том, что меня поражало и удивляло. Болтала без умолку, прерываясь

для схваток. В секунды затишья улыбалась своей команде.

Прошло еще два часа. Схватки стали жестче, рассказы — короче, а паузы — длиннее. Я дышала «по-собачьи», но не кричала. Наконец настал момент, когда не могла говорить — пыхтела.

От обезболивания я категорически отказывалась. Мне казалось, оно будет мешать слушать сигналы моего тела. Боль для меня была живородящей, она подсказывала, куда направлять внимание и потуги.

Наступило третье октября — какое счастье. До этого меня терзала мысль: вдруг первый малыш родится до полуночи, а второй после? Как тогда праздновать? Но судьба распорядилась иначе, добавив мне час мучений. Меня мутило.

За несколько схваток до финала завибрировал телефон. На экране высветилось: «Димка Любовь моя». Врачи предлагали сбросить вызов, но у меня выдалась короткая пауза. Я схватила трубку.

Собравшись с духом, улыбнулась и весело сообщила:

— Процесс в разгаре. Жди. Перезвоню.

И, откинув телефон, скрючилась от боли.

Я хотела успокоить мужа — по опыту знала, что ждать и пребывать в неизвестности мучительнее, чем корчиться от боли. И врачи, и Дима были поражены. Позже муж признался: мой ответ звучал ровно, будто звонок застал меня в офисе на совещании.

Последние полчаса оказались самыми трудными, но я ды-

шала, напрягалась по команде и беспрекословно слушалась врачей. Однако потуги были слабыми. Мне ввели окситоцин, и лепестки моего «бутона» начали раскрываться один за другим.

Медсестра приготовила два одеялка и подогрела их лампой. Этот акт заботы поразил меня до глубины души. На каком-то бессознательном уровне была уверена, что ни я, ни мои малыши не нужны никому, кроме нас с мужем, и растрогалась.

Я настолько привыкла справляться со всем самостоятельно, что ни от кого не ожидая помощи. А тут рядом находилось множество людей, и они искренне помогали мне. Я испытывала к ним благодарность.

Первой, без пяти час, появилась девочка. Она долго и с трудом пробивала себе дорогу, поэтому выглядела красной и опухшей.

Ее сразу передали педиатру, а на меня с двух сторон навалилось несколько человек, упираясь руками по бокам живота. Мой мальчик лежал поперек, и было неясно, выйдет ли он самостоятельно. Воздух в операционной словно сгустился. Врачи переглядывались, и послышался резкий приказ:

— Приступаем к экстренной операции, сама она не справится!

Анестезиолог кивнул и начал готовить наркоз — ситуация была критической. Однако матка оказалась так растянута, что в последний момент врачам удалось чудом повернуть

ребенка головой на выход.

Вопреки мрачным прогнозам, сын выскользнул легко, подобно рыбке. В отличие от опухшей дочки он выглядел как розовый пупсик из магазина.

— Вау! Молодец!

— Ну, мамочка, смогла! — выдохнул хор голосов.

Анестезиолог покачал головой, отставляя шприц:

— А я уже...

— Посмотрите на малышей, — заулыбалась акушерка, — сразу видно: девчонка — боец, а парень — баловень судьбы!

Размер двойняшек поразил издававших виды неонатологов. Девочка весила 3100 граммов, а мальчик — 3000 граммов. Каждый выглядел как обычный новорожденный, а не как не маловесный младенец из двойни. Врачи удивлялись, глядя то на детей, то на мою миниатюрность.

Педиатр заметил:

— Первый такой случай в моей практике!

Другой доктор добавил:

— А я впервые вижу, чтобы во время родов женщина улыбалась.

Я испытала удивительное чувство. Это был не гормональный всплеск, а ощущение выполненного долга. Успешно завершенного сложного проекта.

Конечно, я была счастлива, по щекам текли слезы. Но главным, превалирующим ощущением было осознание: я сделала это!

Девять месяцев моя энергия была сконцентрирована на одном результате — выносить и родить здоровых детей. Не отвлекаясь ни на сторонние желания, ни на лишние мысли, всю беременность я физически ощущала направление и мощь энергии — будто черпала ее прямиком из космоса, из самой Вселенной, и направляла, как луч через лупу, в одну цель. Для этого понадобились все ресурсы: здоровье, воля, ум и тело — все работало в едином ритме.

И вот результат достигнут. Я гордилась собой. Позвонила мужу, он ликовал.

Мои силы иссякли. После того как меня зашили, я провалялась в глубокий сон.

Наутро выяснилось, что мы оказались в соседних палатах с любительницей детективов. Это был ее третий ребенок, она знала все наперед и считала боль естественным процессом. Я выразила ей восхищение и призналась, что она меня поддержала.

После завтрака я решила навестить подруг из отделения патологии, чтобы подбодрить их. Мое лицо сияло. За стойкой сидела та же медсестра, с которой мы общались накануне. Увидев меня, она всплеснула руками:

— Потрясающе! Вы удивительная женщина! Отправились рожать с улыбкой и с улыбкой родили!

Я поблагодарила ее за комплимент и вспомнила слова доктора о том, что он впервые видит веселую роженицу.

Вернувшись в свое отделение, еле дождалась педиатра.

Мне не терпелось услышать оценку состояния детей. Первую ночь они находились отдельно. Дочку мне выдали к вечеру, а сыночка сутки держали в кувете. Он пострадал больше, и ему требовалось повышенное внимание.

Через день в моей палате уже стояли две каталки, и оба малыша были со мной. Мы решили их назвать Валюша и Ванюша.

На пятый день нам объявили, что можно выписываться. Состояние здоровья было стабильным, правда, молоко ко мне так и не пришло.

Встречал нас Дима — он светился от счастья, впервые взяв на руки сразу два свертка, голубой и розовый. Папа с трепетом рассматривал лица сына и дочери. Оба младенца походили на него, но по-разному.

Дима пребывал в восхищении от такого двойного подарка: рассматривал детей и едва не плакал. Глядя на него, я осознала, что мой «гештальт» закрыт: трогательная реакция мужа вылечила старую травму.

Встречал нас Дима — он светился от счастья, впервые взяв на руки сразу два свертка, голубой и розовый. Папа с трепетом рассматривал лица сына и дочери. Оба младенца походили на него, но по-разному.

Дима пребывал в восхищении от такого двойного подарка: рассматривал детей и едва не плакал. Глядя на него, я осознала, что мой «гештальт» закрыт: трогательная реакция мужа вылечила старую травму.

На выписку заскочила и Маргарита Вениаминовна. Све-кровь вручила букет, сфотографировалась с внуками и откланялась. Она торопилась — на вечер у нее был билет в консерваторию, и она отклонила наше приглашение попить чая.

Мы упаковали детей в автолюльки и отправились домой, где ждала нас няня Рая. Она приехала из Подмоскovie утром.

Однако кроме няни, там нас подждал еще кое-кто, превративший первый день в кровавое безумие. Подобный ужас не мог присниться нам в самом страшном сне.

К сожалению, все произошло наяву.

Кровавая резня. октябрь 2005

Начало выглядело радостным. Рая открыла дверь, кот потерся о ноги, Дима осторожно положил спящих малышей на нашу кровать.

Я растегнула молнии на флисовых комбинезончиках и сняла шапочки. Кормить через час, успеем посидеть.

Пока я искала большую вазу для цветов, Дима расставил чашки, а Рая заварила чай и разрежала торт. Как солнечно и уютно было на кухне!

А через полчаса Кирилл, вернувшийся из университета с букетом, застал вместо этой идиллии сцену из фильма ужасов: лужи крови по всей квартире, мелкие осколки разбитой вдребезги бутылки, резкий запах водки. Няню, жестоко израненную; бледного Диму; меня, икающую от пережито-

го шока... И закрытую дверь в комнату, откуда доносились нечеловеческие вопли.

Картина напоминала последствия пьяного дебоша или жестокого насилия. Однако причина этой бойни крылась в ином, потерявшем рассудок существе.

Двадцать минут назад мы мирно сидели на кухне, когда двойняшки хором запищали. Не успела я вскочить, как меня опередил кот Изя.

Еще котенком он обладал норовом: часто шипел на незнакомцев. Его характер окончательно испортился три года назад, когда он сорвался с балкона четвертого этажа у Ларисы Христофоровны.

Его сразу отвезли к ветеринару. После тщательного осмотра специалист поставил диагноз: кости целы, состояние в норме. Однако никто не предупредил нас, что при падении Изя получил тяжелое сотрясение мозга, которое, как выяснилось позже, и стало причиной его безумия.

С того дня характер кота резко изменился — он стал более агрессивным, но весьма избирательно. К узкому кругу «своих» — ко мне, Диме и Кирюше — отношения не изменил, но «чужаков» терпел с трудом. Мы периодически изолировали его, когда принимали гостей.

Но тем не менее причин для беспокойства не возникало. Изя, хотя и встречал посторонних утробным рычанием и не давал себя гладить, ни на кого не бросался. Мало ли котов с характером, которые живут сами по себе — обычное дело.

Мы принимали его таким, какой он есть, и представить не могли, что за этим стоит не скверный нрав, а поврежденная психика.

В этот раз роковое стечение обстоятельств создало мощный раздражитель. Дело заключалось не в няне, которая оставалась для него чужой.

Главное, что спровоцировало вспышку безумия, — мяуканье младенцев. Пронзительные крики новорожденных совпадают с кошачьими боевыми воплями, которые прозвучали как сигнал к войне. Изя впал в состояние запредельного возбуждения и превратился в смертоносное оружие.

Он выскочил из-за угла и полоснул когтями, словно скальпелем, сверху вниз по ноге няни. Кровь хлынула из глубоких порезов. Рая истошно закричала. Кот забился под диван.

Дима выхватил из холодильника бутылку водки, чтобы как-то продезинфицировать страшные раны. Я в панике бросилась за аптечкой... А следовало хватать детей! Спасать малышей надо было, не теряя ни секунды!

Но мы с Димой в этом хаосе словно потеряли связь с реальностью. Кровь струйками лилась по ногам Раи на пол — видимо, Изя задел крупные сосуды. Она плакала.

Я увлекла Раю в ванную. Она подняла ногу, а я дрожащими руками лила на раны водку. Дети в комнате продолжали кричать, захлебываясь, но мы словно находились под гипнозом. Мы занимались няней, пока враг готовился нанести новый удар.

И тут в ванную ворвался кот. Он с ходу набросился на вторую ногу Раи, стоящую на полу, и стал остервенело ее драть. Изя рвал плоть зубами и когтями, издавая утробный глухой рык. Рая завизжала. Я закричала от ужаса и кинулась на зверя, пытаюсь оторвать его, но он вцепился намертво. По всей видимости, он перегрыз крупный сосуд. Крови стало значительно больше — она лужей растекалась по белоснежному кафелю.

В исступлении я стала бить хищника бутылкой по голове, но он не реагировал, словно превратился в комок стальных мышц. Вся эта жуткая сцена заняла мгновения, тянувшиеся бесконечно, как в вязком кошмаре.

Меня осенило плеснуть водкой в его остекленевшие глаза. В этот момент мертвая хватка ослабла.

Кот, дернувшись, разжал челюсти и ловко прошмыгнул между ног у Димы, который примчался на наши вопли. Хищник рванул по длинному коридору напрямик в спальню — туда, где мы оставили детей.

И тут до меня дошло, что следующими жертвами станут дети, их глаза и лица. То же самое понял Дима. Он кинулся в погоню. Я, завывая, припустила следом, но кот летел впереди, как стрела.

Внутри оборвалось: мы не успеем. Секунда — и безумное существо ворвется к малышам, изуродует, оставит слепыми...

В порыве отчаяния я исступленно швырнула бутылку вод-

ки, которую сжимала в руке, наперерез коту. Будто граната, она с оглушительным звоном разлетелась вдребезги перед его носом у самого входа в спальню.

Изя от неожиданности резко свернул с траектории и юркнул в боковую комнату. Дима, поскользнувшись на мокром кафеле, чудом удержал равновесие и с грохотом захлопнул за ним дверь.

Хоррор наяву закончился. Наши дети остались невредимы. Их ангел-хранитель в тот вечер был начеку, и пока глупые родители в панике метались по квартире, он незримо охранял малышей.

Ноги перестали меня держать. Я сползла в лужу на битое стекло, и зарыдала. Меня трясло так, что зубы выбивали дробь. Дима стоял рядом, белый как полотно.

Из комнаты раздавались завывания кота, из ванной доносился надрывный плач Раи, а из спальни — крик детей. В этой какофонии раздражающих звуков, умноженной на резкий запах водки и крови, мы с Димой осознали, на краю какой пропасти балансировали секунду назад.

Дрожащими руками я вытащила из кармана телефон. Пыталась вызвать скорую, но пальцы стали будто чужими — не попадала по кнопкам. Когда ответил оператор, не смогла произнести ни слова, задыхаясь от судорожных всхлипов. Дима забрал трубку и неестественно спокойным голосом продиктовал адрес.

В разгар этого апокалипсиса и явился Кирюша. Красные

бутоны роз в его руках жутко перекликались с багровыми пятнами на полу. Он не сразу понял, что происходит:

— Мам, поздравляю... — и тут же осекся. — А почему ты на полу сидишь? Да что здесь у вас случилось?!

Я ослабла и не могла ни ответить, ни пошевелиться. Хотела успокоить детей, но боялась: если попытаюсь взять их на руки, то уроню.

Дима, хрустя стеклом, шагнул в спальню. Он подхватил обоих малышей и крепко прижал к себе. Они перестали плакать.

Вскоре приехала бригада скорой помощи. Врачи дали мне и Рае успокоительное, обработали ее раны. Перед отъездом, выслушав от Димы историю нападения, медики вынесли вердикт: кота немедленно изолировать.

Кирилл надел горнолыжные очки, шлем, штаны и перчатки, накинул старую куртку. Вооружившись переноской и куском мяса, решительно вошел в комнату. Изя встретил его боевым кличем. Я металась под дверью, ломая руки.

— Швабру! — скомандовал сын.

Некоторое время из-за закрытой двери доносились шум битвы, утробный вой кота и отборный мат Кирилла. Я не представляла, что мой интеллигентный сын владеет таким богатым словарным запасом.

Вскоре, будто в мультфильме о Бременских музыкантах, дверь распахнулась: на пороге показался взмокший Кирюха. Сын едва удерживал запертую переноску, в которой бился

хищник. Тот истошно орал и драл клетку. Дима немедленно отвез его на дачу, где кота согласилась подкармливать соседка. Кирилл остался рядом со мной.

Когда муж уехал, сын, не дожидаясь просьб, молча собрал осколки, вымыл пол и принес Рае чая и обезболивающее. Крови в ванной оказалось столько, что он использовал несколько старых футболок, чтобы ее впитать.

Меня продолжало колотить, успокоительное не помогало. Когда вернулся Дима, я обняла его и осознала: начало отпускать.

Приказ: Отмокать. октябрь 2005

Ночь превратилась в дежурство у постели Раи. У нее поднялась температура, требовались частые перевязки и уход.

Так прошли наши первые сутки: бессонница, антибиотики, раненая женщина и двое кричащих младенцев. Они не пребывали в покое — мне не хватало молока.

Ни утром, ни на следующий день Рае легче не стало. Мы с Димой круглые сутки работали на два фронта. Хорошо, что он заранее оформил отпуск, чтобы оставаться рядом. Я не высыпалась, все валилось из рук.

Однако проблему с питанием решила стремительно.

Достаточно того, что первенца едва не сгубила: покорная жертва догмы об обязательном грудном вскармливании, я упорно пыталась «раздоиться» и не давала сыну смесей, пока он не загремел в больницу с дистрофией второй степени — в месяц малыш весил меньше, чем при рождении.

Позже папа рассказал, что эта особенность - гипогалактия - передалась мне от его матери — та тоже страдала от нехватки молока. Его самого вскормила соседка.

Поэтому для двойняшек мы заранее купили электронные весы. Хотя без них все было ясно: Ванечка сразу бросал бесполезное занятие и начинал возмущенно орать, а Валечка, трудяга, сосала по сорок минут. Но контрольное взвешивание было неумолимо — добывала она не более двадцати грамм. Ждать было нечего, и я ввела смесь. Чувство вины давило, но морить детей голодом в планы не входило.

В выборе бренда не возникло тени сомнений — конечно, инновационный «Сесилак Формула Плюс». Он когда-то спас моего старшего, выкормит и младших. В его качестве я была уверена не как мама, но и как профессионал.

После моего увольнения бренд забросили. Пришлось поднимать старые связи: один звонок — пару коробок доставили в тот день.

Эффект оказался мгновенным. Насытившись, оба карапуза успокоились.

Я наконец взглянула на себя в зеркало. Содрогнулась: выглядела как настоящая кикимора. Глаза безумные, вокруг — темные круги, липкие волосы всклокочены. Не могла вспомнить, когда в последний раз принимала душ — уж не в роддоме ли, перед выпиской?

Я мрачно пялилась на собственное отражение: кого же оно мне напоминало? С ужасом поняла: немытую Степашку

с сальными волосами, вот кого! Я отшатнулась от зеркала. До чего я опустилась... С момента появления малышей прошла неделя, что будет дальше? Я заплакала.

Я боялась, что нам с Димой не хватит денег, а оказалось — может не хватить меня. Усталость и возраст взяли свое, предъявив счет за годы гонки на пределе возможностей.

Однако Дима, заметив мой сбой, вывел меня из пике. Он наполнил пенную ванну, накидал туда лепестков роз из букетов, зажег свечи и велел «отмокать».

После горячей воды меня так разморило, что еле доползла до кровати и провалилась в живительный сон.

Дима в это время держал вахту, ухаживая за Раей и за двойняшками. Он обучил и Кирюшу искусству менять памперсы. Сын по-мужски подставил плечо и без лишних просьб взял на себя множество домашних дел. Незаметно загружалась и разгружалась посудомойка, вешалось белье, пылесосились полы, на кухне наводилась чистота. Кирюша и Дима делали все молча, но для меня не было лучшего доказательства заботы.

Ко мне постепенно возвращалось самообладание, но я решительно отклоняла всех желающих навестить нас и «поздравить». Мне не требовались дежурные восторги и светские беседы. Сейчас приоритетом было сохранение равновесия, которое Дима вовремя помог мне обрести.

Единственная, кого я могла — и хотела — принять, была Лина. Она приехала одна, без Семена. Привезла в подарок

два чудесных финских зимних комбинезончика, чем угодила мне невероятно. Я была счастлива.

Дима, выгружая очередную стирку и развешивая ее на сушилке, оставил нас с Линой наедине, и мы просидели почти два часа на кухне, как в былые времена, пока двойняшки спали на балконе.

Захныкала радионяня. Я достала детей с балкона и развернула их. Малыши были теплые, сонные и пахли свежестью. Лина смотрела на них с тихой нежностью:

— Удивительно, но они оба — вылитый Дима, каждый по-своему. Ты будто в процессе не участвовала!

Я засмеялась — мне было приятно это слушать.

Лина тихо добавила:

— Мне бы хотелось, чтобы наши будущие Варвара и Аркадий стали копиями Семена. И рыженькими, как он.

Мы еще немного посидели, и это был, пожалуй, был первый вечер, когда я по-настоящему расслабилась.

Через неделю Рая оклемалась. Ее ноги покрывали пугающие шрамы, однако воспаление отступило. Дима вернулся в офис, а я с няней приняла вахту: начались трудовые будни.

Как только кризис миновал, к нам потянулись гости — взглянуть на новорожденных.

Вылитый Дима! октябрь 2005

Первыми явилась троица из «Спокойной ночи, малыши!» в полном составе. У Фили висели сопли до колена, но Степашка бодро заявила:

— Да он не заразный, и вообще, чем больше контактов, тем крепче иммунитет!

Гриша сунул мне пакет с розовым и голубым ползунками из рыхлого трикотажа. Я изобразила признательность.

Степанида была на шестом месяце, одетая в короткое широкое платье ядреной расцветки. К счастью, розовых тапок, с которыми она не расставалась летом, на ней не было. Правда, она не устояла перед розовыми колготками, обтягивающими массивные ляжки.

Мне стало ее жаль, я предложила два пакета своей «беременной» одежды — стильной, практически новой. Некоторые вещи остались с этикетками: проскочила размер.

Наши параметры не совпадали, но крой оверсайз нивелировал разницу. Степашка обрадовалась, тут же переделалась, волшебным образом преобразившись в цивилизованную горожанку.

Дорогие вещи выигрышно маскировали недостатки. Мужеподобная фигура стала выглядеть неожиданно гармонично. Тяжелые формы скрылись под складками ткани, высокий рост придал статности.

— Надо же, как тебе идет! — искренне восхитилась я. Степашка, довольно разглядывая себя в зеркале, перешла в наступление:

— Ты смотри... никому не отдавай детское приданое, когда твои из него вырастут. Мне пригодится!

Я пообещала. Тем более, считала, что нужно помогать друг другу. Ведь и меня выручила Танюшка, бывшая колле-

га по холдингу. Ее дочке исполнился год, и все приданое перекочевало ко мне. Малышке купили столько нарядов, что многие из них не успели достать из упаковок.

Когда Танюшка на мощном джипе привезла огромные тюки и коробки, я обомлела. Это был не скромный набор вещей, а целый мир от лучших брендов: новые бутылочки и соски, подогреватели, стерилизаторы. Колыбелька, трамплин, подвесные качели, переноски, рюкзак-кенгуру, стульчик, автокресло, ванночка на подставке...

И одежда невероятной красоты из дорогих бутиков. Ее было столько, словно двойня родилась не у меня, а у нее. Все — в идеальном состоянии или новое. Она подарила мне это!

Дима и Кирилл несколько раз бегали вверх-вниз по лестнице, перетаскивая пакеты, и забили ими полкомнаты. На мои глаза навернулись слезы. Мне не удалось бы купить такую роскошь. Бескорыстная помощь Танюшки стала спасением. Я была ей безмерно благодарна.

Я верила в круговорот добрых дел, поэтому намеревалась передать эстафету Степаниде.

Танюшка отдала мне роскошную «Инглезину» с закрытой люлькой и сменным прогулочным блоком. Еще одну коляску презентовали коллеги мужа.

Так как мы жили на пятом этаже без лифта, спускаться на улицу с двойней несколько раз в день было нереально. Вместо этого мы ставили обе коляски на балкон, выходящий прямо в парк, и малыши по несколько часов сладко спали на

свежем воздухе.

Постепенно жизнь входила в колею. Я отказалась от идеи терзать грудь ради нескольких жалких миллилитров и переключилась на «Сесилак». Искусственное питание отняло у меня «незаменимость» матери, но добавило свободу. Дети наедались, подолгу сопели на балконе под контролем радионяни и Раи, а у меня появилось законное время на чашку кофе и тишину. Тем не менее, пытаясь компенсировать отсутствие тесной связи через кормление, я старалась проводить с Валюшей и Ванюшей как можно больше времени.

Всю бытовуху и домашнюю рутину я переложила на Раю, но пеленала, купала и ухаживала за Валюшей и Ванюшей сама. По вечерам Дима активно включался в процесс. Он наслаждался поздним отцовством. Помогал и Кирюша, хотя пропадал в университете целыми днями.

У него появилась идея, которую он захотел воплотить как можно быстрее:

— Мам, мне через три месяца восемнадцать. Хочу записаться в автошколу, чтобы получить права к совершеннолетию, — он запнулся и нерешительно произнес: — Одолжишь денег? Я верну! Летом заработаю и отдам.

— Конечно, мой мальчик. Водительские права — это свобода, самостоятельность и важный шаг во взрослую жизнь, который я с радостью помогу тебе сделать.

Мы оплатили курсы, и я стала видеть сына еще реже.

Косяком потянулись гости. Заглянули папа с женой. Ла-

риса Христофоровна презентовала изысканные серебряные ложечки в бархатных футлярах.

Дедушка не знал, как подступиться к внукам. Он явно их побаивался. Я вспомнила рассказ мамы о том, как папа сперва опасался брать меня на руки, считая слишком хрупким созданием. За сорок лет ничего не изменилось: в его глазах младенцы оставались непредсказуемыми объектами, к которым не прилагалась инструкция по эксплуатации. Папа перехватил мой смеющийся взгляд:

— Ничего, пусть немного подрастут. Математику будут знать на пять, сам с ними заниматься буду.

Не забывали меня и бывшие коллеги — они приносили охапки цветов и новости из прошлой жизни, которые казались сообщениями с другой планеты.

Самым трогательным был визит Анны Ефимовны. Она приехала нагруженная тяжелыми сумками и заставила пол-кухни дачными разносолами. Долго восхищалась малышами, то и дело смахивая слезу. Глядя на нее, я в очередной раз подумала, что душевное тепло нельзя купить ни за какие деньги.

Все посетители сходились в одном: Валюша и Ванюша - копии Димы.

Я улыбалась. Возможно, феноменальное сходство растопит лед в сердце свекрови? Должен же в ней проснуться бабушкин инстинкт? Словно услышав мои мысли, в конце октября Маргарита Вениаминовна позвонила и предложила

помочь. Правда, тут же уточнила: приступить сможет через месяц, так как на днях уезжает по путевке в санаторий.

Я удивилась, поскольку не забыла ее «на меня не рассчитывайте» и поджатые губки в ответ на новость о беременности. Но, как прагматик, отбросила негатив и с благодарностью приняла предложение. Оно решало важную задачу: я отпускала Раю на пару дней на выходные, и в ее отсутствие мне требовалась надежная подстраховка.

Исчезновение. Декабрь 2005.

Рая проработала у нас свыше двух месяцев. По утрам в пятницу она уезжала домой в Подмоскowie и возвращалась в субботу к половине восьмого вечера.

Но однажды она исчезла. Телефон не отвечал. Мы были охвачены тревогой: произошло несчастье? Она попала в беду? Иначе она обязательно дала бы знать. Люди не пропадают бесследно.

Часы показывали половину десятого, телефон молчал, мы с Димой места не находили от тревоги. К счастью, я нашла в анкете номер ее дочери-врача. Она ответила. Мой голос дрожал:

— Здравствуйте, это Юлия. Рая должна была вернуться к нам три часа назад, но ее нет, абонент недоступен. С ней что-то случилось? Она у вас?

Дочь реагировала странно. В трубке повисла пауза, после чего она произнесла будничным тоном:

— Я понятия не имею, где она.

Возникало ощущение, что дочь скрывает правду. Она была абсолютно спокойна. По рассказам Раи, у них были прекрасные отношения, но сухой голос в трубке свидетельствовал об обратном. Не могла любящая дочь, к тому же врач, столь равнодушно реагировать на сообщение о пропаже матери.

Правда выяснилась на следующий день. Позвонила сама Рая. Она была в дупель пьяна. Заплетающимся языком сообщила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.